

2017 Топонимический № 2(6)
АЛЬМАНАХ

Е.П. Сизёнов

ТОПОНИМИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РЕКЕ НАЗИИ

Река Назия не относится к числу самых значительных в Ленинградской области. Сравнительно небольшая, всего 42 километра, она между тем имеет весьма примечательные особенности. И свою роль в истории она тоже сыграла.

Начинаясь в болоте *Малуксинский Мох*, в семи километрах севернее посёлка *Малукса* Кировского района, Назия течёт на северо-запад; затем преобладающим направлением становится северное. При этом Назия очень извилиста и, несмотря на свою малую длину, постоянно меняет направление почти на всём протяжении. Через Ладожские каналы она впадает в Ладожское озеро. Река неширокая: от четырёх до шести метров, в излучинах ширина достигает 10 метров.

В топонимическом отношении Назия интересна тем, что дала целый ряд производных названий, при этом не все соответствующие географические объекты расположены непосредственно на ней самой.

Исторические данные свидетельствуют о достаточно плотном заселении берегов Назии в средневековой Руси — в Переписной окладной книге Водской пятины 1500 г. зафиксированы 17 тяготеющих к ней поселений, относящихся к Никольскому Ярвосолюскому и Егорьевскому Лопьскому погостам.

В Никольском Ярвосолюском погосте числилось восемь поселений, в ос-

новном в среднем течении реки: *Задний двор*, *Миккуево*, *Офонасково*, *Панево*, *Поречье на Горке*, *Поречье*, *Сидорово*, *Янцово*. В нижнем течении было девять поселений Егорьевского Лопьского погоста: *Алуево*, *в Горке в Ларивоновской*, *Ларивоновская Горка*, *Марковское Мустуева на Назье*, *Сахново*, *Суханово*, *Ульяшино*, *деревня на речке на Назии* и *деревня на устье Назии*.

Уже само название Егорьевского Лопьского погоста свидетельствует о том, что коренным населением на его территории была приладожская лопь — лопари, они же саами, одно из многих финских племён Северо-Запада Руси. В XIII веке они занимали территорию между реками Назия и Волхов и вели преимущественно оседлую жизнь. Считается, что лопари и дали реке название **Назия**. Согласно словарю С.В. Кисловского, с которым согласны и другие исследователи местной топонимии, оно происходит от существовавшего в их языке слова *nasia*, означающего «волчья ягода» или «волчье лыко» — ядовитый кустарник с розовыми цветами и красными сочными плодами, который, очевидно, рос по берегам реки¹. (Ср. современное финское *näsiä*, означающее то же самое и в русской транскрипции пишущееся как *нясия*.)

Из поселений, приведённых в Переписной книге 1500 г., до XIX века сохранилось только село *Поречье*. Судя по пятиверстовой карте Санкт-Петербургской губернии Ф.Ф. Шуберта (1834) и «Описанию Санкт-Петербургской губернии по уездам и станам» (1838), к середине столетия в среднем течении Назии существовали также деревни

¹ Кисловской С.В. Знаете ли вы? Словарь географических названий Ленинградской области. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1974. С. 99.

Вороново, Пустоши (Пустошка), Новая, Апраксин городок.

Дополнительно скажем, что деревня *Woronia* — ближайший к истоку Нази населённый пункт — обозначена ещё на карте Нотебургского лена П. Васандера (1699), снятой с оригинала первой трети XVII века; *Вороново* и *Новая* нанесены на карту Ингерманландии И. Кирилова (1727). Правда, название *Апраксин городок* по какой-то причине впервые встречается только на карте окрестности Петербурга А. Вильбрехта (1792), но, как будет показано ниже, действительному положению это не соответствует.

Все названные деревни существовали вплоть до начала 1940-х гг. и обозначены на картах Генштаба Красной Армии, но Великую Отечественную войну не пережили. На топографических картах советского Генштаба 1980-х гг. они обозначены как урочища.

Происхождение вышеперечисленных топонимов, в общем-то, очевидно, кроме разве что *Апраксина городка*. В XVII веке на этом месте находилось шведское укрепление *Slinbeck*, прикрывавшее древнюю Прогонную дорогу, ведущую из (Старой) Ладоги в Приневье. В мае 1702 г., когда подготовка к началу освобождения Ингерманландии вступила в завершающую стадию, окольный Петр Матвеевич Апраксин выслал сюда ротмистра Квашина-Самарина с тремя драгунскими ротами «для промыслу над неприятельскими людьми». Рядом с захваченным шведским укреплением был организован базовый лагерь для сосредоточения русских войск, который и стали именовать Апраксиным городком. Сюда 22 сентября 1702 г. прибыл царь Пётр I и, после трёхдневного смотра, 25 сентября

осадная армия с его участием выступила к Нотеборгу (Орешку), по взятии которого укрепление в военных целях больше никогда не использовалось. Сейчас здесь, на левом берегу реки Назии, у моста, примерно в четырёх километрах к югу от посёлка Приладожский — пусто. Нет никакого памятного знака, и далеко не все проезжающие по современной грунтовке (бывшей Прогонной дороге), конечно, догадываются о том, что видят то самое место, откуда, по сути, берёт начало новая российская история...

*Урочище Апраксин городок.
Фотография Г.Г. Мартынова. 2017*

*Вид с моста через Назию в урочище
Апраксин городок.
Фотография Г.Г. Мартынова. 2017*

В 1747 г. мыза Порецкая с селом *Поречье*, деревнями Воронова, *Крутой Ручей* и другими, в том числе и *Апраксин городок*, была подарена императрицей Елизаветой Петровной её духовнику — протоиерею Фёдорову Яковлевичу Дубянскому. В 1777 г. по разделу имения между его наследниками мыза с деревнями досталась вдове сына, ротмистра Конной гвардии Ф.Ф. Дубянского — Александре Фёдоровне, урождённой Ладыгиной. После её смерти в 1806 г. имение унаследовали дочери Анна Скрипицына и Александра Борщова. В общем владении остались село Поречье и деревни Воронова, Новая, Крутой Ручей. В XIX веке Поречье, деревни Рождествено и Вороново находились во владении статского советника Ф.А. Скрипицына.

Деревянная церковь, освящённая во имя Рождества Пресвятой Богородицы, стояла в селе *Поречье* с 1714 г.² Впоследствии её разобрали, очевидно, за ветхостью, и в 1855 г. на средства помещиков П.Ф. Скрипицына, М.С. Борщова и Н.С. Зиновьева возвели новый деревянный храм на каменном фундаменте, с тем же посвящением. Колокольня и ограда у него были также деревянные. Приписанными к церкви значились три часовни в деревнях *Апраксин городок*, *Вороново*, *Крутой ручей*, а в 1899 г. в приходе состояли и другие поселения по берегам Назии и Мги — всего 357 дворов, 960 мужчин, 972 женщины. С 1936 г. храм не действовал, в 1939 г. его окончательно закрыли. В 1941 г. деревни в среднем течении Назии попали под немецкую оккупацию. Ожесточённые бои за них велись при всех попытках прорыва бло-

кады Ленинграда вплоть до операции «Искра» в январе 1943 г. После войны уцелевшие местные жители на свои пепелища не вернулись; бывшая церковь Рождества Пресвятой Богородицы сгорела.

Вот почему послевоенные берега Назии долгое время вообще оставались пустынными, за исключением единственного одноимённого поселения при устье реки. Да и сейчас, не считая примыкающего к реке в среднем течении садоводческого массива *Славянка*, на её берегах имеются всего два населённых пункта в низовьях.

Один из них находится в пяти километрах от устья на левом берегу реки — это посёлок городского типа *Приладожский*, административный центр Приладожского городского поселения Кировского района.

Первые несколько многоэтажных жилых домов с соответствующей инфраструктурой появились здесь в 1978 г. Их возвёл трест № 18 Главленинградстроя для работников птицефабрики «Синявинская», в то время крупнейшей в Европе.

Статус рабочего посёлка и своё наименование новый населённый пункт официально получил 19 ноября 1981 г. по решению исполкома Кировского горсовета Ленинградской области № 408. Происхождение названия очевидно: в нём отражено местоположение в Южном Приладожье.

Приладожский поселковый совет создан 15 марта 1982 г. Численность населения посёлка практически не менялась за всё время его существования: вначале здесь проживало около 5,5 тысяч человек, в 1989 г. — 5,3 тысячи, в 2017 г. — 5,7 тысячи.

² Земля Невская Православная: Православные храмы пригородных р-нов СПб. и Ленингр. обл.: Краткий церк.-ист. справочник / Сост.: В.В. Антонов, А.В. Берташ, Е.В. Исакова. СПб., 2006. С. 88.

В посёлке Приладожский.
Фото Г.Г. Мартынова. 2017

Тем не менее, несмотря на видимое отсутствие внешних признаков, местность имеет очень давнюю историю. В переписной книге Водской пятины 1500 г. упоминается деревня *Марковское Мустуева на Назье*, локализуемая при устье реки *Чёрная*, впадающей в Назию на территории посёлка Приладожский. Тогда в ней проживал «*Микитка Мустуев да брат его Дмитр Игнатов Кузнец*». В период шведского владения название писалось как *Mustala* (карта Ингерманландии А. Бергенгейма, составленная по шведским материалам 1676 г.).

В XIX — начале XX веков часть территории будущего посёлка занимала запруда, созданная на реках Чёрной и Назии для обеспечения работы пильной мельницы у деревни *Верхняя Назия*.

В январе 1943 г. на месте будущего Приладожского бойцы Ленинградского и Волховского фронтов рвались навстречу друг другу. Именно здесь в начале операции «Искра» была взломана передовая линия обороны немцев с восточной стороны, а через короткое время прошла железная дорога, связавшая Ленинград с Большой землёй.

Скромный памятник героям-железнодорожникам установлен при въезде в посёлок на левом берегу Назии, у обочины Мурманского шоссе. В 1985 г., в честь 40-летия Победы, в Приладожском ветеранами Великой Отечественной войны была высажена Аллея Славы. В последние годы в центре посёлка появился и памятный знак с надписью: «*Здесь на приладожской земле сражались за Ленинград советские воины Волховского фронта. Сентябрь 1941 — декабрь 1943*».

Современный мост через Назию
на Мурманском шоссе.
Фото Г.Г. Мартынова. 2017

Ныне в гербе Приладожского можно видеть золотого петуха — символ ЗАО «Птицефабрика Синявинская имени 60-летия Союза ССР», градообразующего предприятия поселения. В соответствии с геральдической трактовкой, петух — символ бдительности и отваги, вестник дня. Это древнейшая эмблема рассвета, призыва к возрождению. Золотой меч в пурпуре — символ боевого прошлого этих земель: событий 1702 г., памяти об уничтоженных в годы Великой Отечественной войны близлежащих деревнях *Марково*, *Бугры* и дру-

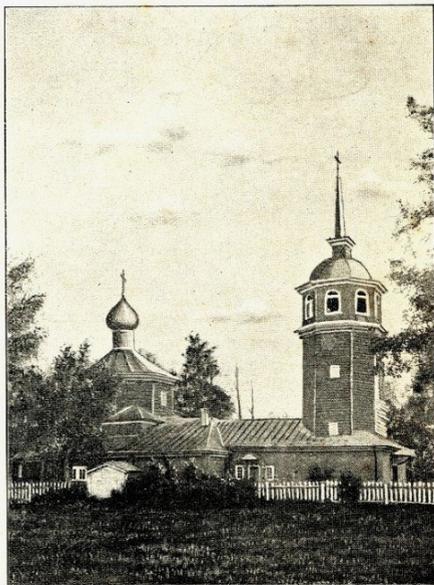
гих. Традиционное занятие жителей Приладожья — рыболовство — отражено в символике герба серебряной рыбой в лазури³.

Второй населённый пункт на реке — деревня *Назия*, входящая в состав Приладожского городского поселения. В Переписной книге Водской пятины 1500 г. она упоминается в составе Егорьевского Лопьского погоста как *деревня на усть Назьи*. Тогда в ней был всего один двор, хозяин которого, Феофило Сивков, сеял рожь.

На карте Нотебургского лена П. Вассандера (1699), снятой с оригинала первой трети XVII века, а также на карте Ингерманландии А. Бергенгейма, составленной по шведским материалам 1676 г., в устье реки на правом берегу нанесена деревня *Nasia*, напротив неё, на левом берегу — деревня *Gorka*. На «Географическом чертеже Ижорской земли» А. Шонбека (1705) объединённая деревня подписана в форме *Nasia*. На карте Ингерманландии И. Кирилова (1727) видим название *Назия*.

Около 1708 г. губернатор Ингерманландии А.Д. Меншиков открывает здесь кожевенный и пильный заводы. В 1711 г. «*при крепости и при кожевенных заводах, для многонародного жития мастеровых и других людей*» по благословению митрополита Новгородского Иова была построена церковь. Митрополит указал, что строить её надлежит «*из нового лесу*», «*а верх бы, на той церкви, был не шатровый, и алтарь сделать круглой, тройной, а в церкви, в соалтарной стене посреде б были царские двери, по правую их сторону южные, а по левую северные;*

да подле царских дверей, меж южных, в начале поставит образ Всемилостивейшего Спаса». В 1712 г., храм был освящён во имя Покрова Пресвятой Богородицы шлиссельбургским протоиереем Петром Георгиевским. Тогда в слободе жили 224 семьи крестьян-переведенцев, имелось полсотни лошадей «*для возки к пильной мельнице лесов*».

Наружный видъ церкви Покрова Пресвятыя Богородицы въ селѣ Назіи.

Верхняя Назия. Церковь Покрова Пресвятой Богородицы. Фото 1900-х гг.

В 1718 г. начинается грандиозное строительство Ладожского канала для соединения Невы и Волхова. Первоначально во главе его был поставлен Г.Г. Скорняков-Писарев, с 1723 г. стройкой руководил Б.Х. Миних.

³ Положение о гербе муниципального образования Приладожское городское поселение муниципального образования Кировский муниципальный район Ленинградской области (Решение Совета депутатов МО Приладожское городское поселение МО Кировский муниципальный район Ленинградской области от 27 ноября 2007 г. № 72).

В начальный период создания канала в деревне Назия однажды оставался Пётр I (канал получил его имя), но основные работы на участке Кобона — Назия — Шлиссельбург велись уже в 1727–1729 гг. Реку Назию канал пересёк севернее деревни. По северному же борту канала, на реке Назии, сначала построили большой деревянный шлюз с выходом в озеро, потом заменили его водоспуском, который неоднократно перестраивали. Сохранившийся в Назии гранитный водоспуск был сооружен по проекту подполковника Н.И. Богданова и капитана М.Г. Шишова в 1830 г.⁴

Гранитный водоспуск на Староладожском канале в деревне Назия.
Фото Г.Г. Мартынова. 2017

Камер-юнкер Ф.В. Берхгольц, в 1725 г. сопровождавший в поездке герцога Карла Фридриха Голштинского и цесаревну Анну Петровну, записал в своём дневнике: «Окрестные поселяне не занимаются хлебопашеством, а живут исключительно рыбною ловлею. В Назии, где мы обедали и пробыли часа два, устроена переправа через реку того же имени, и у самого

моста расположено небольшое укрепление, снабжённое несколькими маленькими пушками».

К середине XVIII века в деревне обоживались пришлые крестьяне из разных городов, жившие, «не имея помещиков». Они были обязаны чинить Архангелогородский тракт от Шлиссельбурга до реки Лавы и давать подводы для путешествий императрицы Елизаветы Петровны из Петербурга в Москву и обратно. По указу Сената «разночинцев» из Назии временно приписали к Невским кирпичным и черепичным заводам, поселили в слободе при тех заводах и лишь зимой отпускали по домам. На карте Ладожского канала 1745 г. дома деревни Назия обозначены по обе стороны реки. В той же форме название деревни подписано и на карте Санкт-Петербургской губернии Я.Ф. Шмита (1770), как и на большинстве карт конца XVIII — начала XIX века.

С 1749 г. в Назию с реки Лавы переехали стекольный завод с 36 мастерами. Назинские стекольные заводы вырабатывали оконное, зеркальное и цветное стекло, посуду, хрусталь, «паникадильные и фонарные вещи». Среди изделий, изготовленных здесь, — 24 зеркальные пилястры для Янтарной комнаты, а также 12 люстр для Большого Петергофского дворца. На заводе в Назии ученики М.В. Ломоносова продолжали начатые им опыты по производству смальт. Сама императрица Екатерина II посетила заводы 4 августа 1765 г. После осмотра в сопровождении директора заводов князя П.Н. Трубецкого в здешнем караульном доме состоялся обед на 25 персон⁵.

⁴ www.деревня-назия.рф/index.php/istoriya-derevni.

⁵ Седова Н. На берегах реки Назии бывали и Петр I, и Екатерина II // Санкт-Петербургские ведомости. 2011. 26 авг.

В сентябре 1777 г. по указу Екатерины II Назьинские стекольные заводы, посудный и зеркальный, из-за долгов перед казной были отданы в вечное и потомственное владение князю Г.А. Потёмкину. В 1779 г. он перевёл посудный, а в 1783 г. и зеркальный заводы в своё имение Озерки близ Петербурга.

В 1791 г. в Назии побывал близкий друг А.Н. Радищева писатель Пётр Иванович Челищев. Во время своего путешествия по северу России он вёл подробный журнал, фиксируя сведения экономического и этнографического характера. Запись П.И. Челищева от 29 мая 1791 г.: *«А в 12-м часу на нанятой с прочими седоками <...> по 60 коп. с человека, почтовой лодке, поехал из Шлюшенбурга Ладожским каналом. Проехавши до первой станции Назии 22 версты, в три часа пополудни для перемены лошади остановились и пробыли с четверть часа. В слободе сей станции на речке, пропущенной в шлюзы чрез канал Назийской, есть казённых четыре пильных анбара, в которых пелят тёс и брусья господина гофмаклера Андрея Борисовича Фока»*⁶.

Император Павел I пожаловал эти земли придворному аптекарю И.Ф. Ганеману (Ганнеману), наследник которого заложил «дачу Назья» петербургской купчихе А.С. Поповой⁷.

Позднее одной верстой ниже, в месте пересечения реки Назия с Ладожским каналом, образовалась деревня *Нижняя Назья*. Соответственно, деревня, ведущая своё начало

от переведенческой слободы, стала называться *Верхняя Назья*. Согласно карте Санкт-Петербургской губернии Ф.Ф. Шуберта (1834), село Верхняя Назья состояло из 27 дворов, Нижняя Назья — из 77. Между ними располагалась усадьба помещика Фока и пильная мельница. По данным на 1838 г. Верхняя Назия и Нижняя Назия находились на земле петербургской купчихи А.С. Поповой и населялись петербургскими и шлиссельбургскими мещанами; число жителей по данным ревизии составляло 263 мужчин и 270 женщин. В деревнях работало два лесопильных завода⁸. По данным на 1856 г. Верхняя Назия состояла из 16 дворов, Нижняя Назия — из 69, с числом душ мужского пола 316. Земля тогда принадлежала некоему Усову.

В 1820 г. над притвором Покровской церкви была установлена деревянная на каменном фундаменте восьмигранная колокольня. В 1912 г. местные прихожане задумали перестроить или вовсе сломать обветшавший храм и заменить его новым. Тогда Императорская Археологическая комиссия указала на необходимость сохранить церковь, которая *«имеет за собою двухсотлетнюю древность, но представляет исторический интерес, служа материалом к истории края, в частности, к истории Петровских каналов»*.

В 1861 г. ближе к озеру началось строительство нового Ладожского канала. От Волхова до реки Назии его дно рыли строго горизонтально, а от Назии до Невы — суклоном, соответствующим

⁶ Путешествие по Северу России в 1791 году: Дневник П.И. Челищева / Издан под наблюдением Л.Н. Майкова. СПб., 1886. (Цит по: az.lib.ru/c/chelishew_p_i/text_1791_puteshestvie.shtml).

⁷ Седова Н. Указ. соч.

⁸ Описание Санкт-Петербургской губернии по уездам и станам. СПб., 1838. С. 75.

уклону Ладожского озера к Неве. Это позволило обойтись без устройства шлюзов. Ежегодно на стройке работало в среднем по 12 тысяч человек. Канал был построен за пять лет и получил имя императора Александра II (сейчас он называется Новоладожским).

В 1862 г. общее число дворов в обеих Назиях составляло 159, а число жителей — 317 мужчин и 323 женщины. По данным на 1866 г. в селе имелся один лесопильный завод, принадлежавший Уковой, на котором было занято 17 работников⁹.

В 1883 г. прихожан церкви Покрова Пресвятой Богородицы значилось 915: 425 мужчин и 490 женщин. Из них военных — 70, мещан — 670, крестьян — 175. Многочисленность мещан объясняется тем, что местные жители были приписаны к Петербургу и Шлиссельбургу, а крестьянское население увеличиваться не могло, так как их земля была отдана рабочим села Путилово, которым крестьяне платили аренду. Основные занятия прихожан: рыбная ловля на Ладожском озере, выгрузка из Назии и загрузка на суда сплавных дров. Некоторые занимались вывозом путиловской плитки¹⁰. Кроме того, поселяне организовали местную артель коноводов, а дети работали погонщиками на Приладожских каналах. В 1899 г. в приходе состояло 228 дворов, в которых проживало 514 мужчин и 562 женщины.

Административно село относилось к 1-му стану Шлиссельбургского уезда Санкт-Петербургской губернии. Оно упоминается в известном издании, выпускавшемся под общим руководством П.П. Семёнова (Тян-Шанско-

го): «Верстах в 10 от Шлиссельбурга по Ладожскому каналу (каналу Императора Александра II) лежит с. Нижняя Назья, при р. Назье, с населением более 800 человек, близ которого находятся прекрасные ломки силурийского известняка»¹¹.

В начале XX века Назию посетил пионер русской цветной фотографии С.М. Прокудин-Горский. Здесь он сделал снимок, подписанный как «Деревня Назия. Канал Императора Петра I» (в действительности фотография запечатлела деревню и реку Назия).

Нижняя Назия, вид на реку Назия от канала Императора Петра I. Фото С.М. Прокудина-Горского. 1909

После революции 1917 г. село Назия входило в состав Назийского сельсовета Путиловской волости Шлиссельбургского уезда. С 1924 г. находилось в составе Ленинградского уезда, с 1927 г. — Мгинского района Ленинградской области.

В справочнике 1933 г. посёлок *Назия* приведён как единственный населённый пункт Назийского сельсовета с числом жителей 1522¹². В 1936 г. *Назия* считалась деревней¹³.

⁹ Фабрики и заводы в С.-Петербурге и С.-Петербургской губернии в 1866 г. СПб., 1868. С. 37.

¹⁰ Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Вып. VIII, IX и X. СПб., 1884–1885. (С сайта: ladoga-shlisselburg.narod.ru/raznoe/ISS.html)

¹¹ Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. 3. Озёрная область. СПб., 1900. С. 377.

¹² Административно-территориальное устройство Ленинградской области. Л., 1933. С. 52.

¹³ Административно-экономический справочник по районам Ленинградской области. Л., 1936. С. 322.

На картах Генштаба Красной Армии конца 1930-х — начала 1940-х гг. деление на Верхнюю и Нижнюю Назию сохраняется. До войны в Верхней Назии располагался колхоз «1 мая», объединявший более 120 дворов. Война уничтожила деревню, оставив от неё следы фундаментов и кладбище со старыми дубами. После Великой Отечественной войны деревня Назия располагалась в основном между Староладожским и Ладожским каналами, на территории бывшей Нижней Назии. На административной карте Ленинградской области 1967 г. деревня даже и подписана как *Нижняя Назия*, но это очевидная ошибка. Сначала она входила в состав Путиловского сельсовета Мгинского района, а после его ликвидации в 1960 г. — Волховского района. В 1961 г. население деревни составляло 348 человек.

На топографических картах-километровках советского Генштаба 1982 и 1989 г. обозначены деревня *Назия* и урочище *Верхняя Назия* с кладбищем. Покровская церковь была снесена в послевоенные годы. В 2012 г., в память трёхсотлетия освящения, на её месте установили памятный крест. Надпись на нём сообщает, что «храм был построен по указу первого губернатора Санкт-Петербурга А.Д. Меншикова (так! — Е. С.), сподвижника Петра I, при крепости — Назия... В середине 20 века храм был утрачен».

Ныне основной вход на кладбище отмечают два старинных памятника, вряд ли стоящие на своих первоначальных местах. Один из них принадлежит братьям Симеону и Фёдору

Григорьевичам Чермениным, скончавшимся, соответственно, в 1883 и 1892 гг. (кем они были, не указано); другой — петербургским купцом, и тоже братьям, Петру и Михаилу Васильевичам Герасимовым, умершим в 1899 и 1907 гг.

*Братское захоронение советских воинов на Назийском кладбище.
Фото Г.Г. Мартынова. 2017*

Недалеко от церковного памятного креста — братская могила советских воинов, на которой 9 мая 1993 г. была установлена стела с надписью: «Вечная память защитникам Приладожской земли». На мемориальных досках увековечено 187 человек, хотя в действительности, по данным общественного движения «Мемориал», в братской могиле захоронено 684 человек, из них 618 неизвестных¹⁴.

При образовании Приладожского сельского совета деревня Назия была сразу же передана в его подчинение. В 1997 г. в деревне проживало всего 107 человек, но в течение следующих пяти лет число жителей резко увеличилось до 303, затем снова уменьшилось, а в 2010-е гг. стабилизировалось на уровне 240–250 человек. Современ-

¹⁴ lenww2.ru/index.php/region01/area09?id=1006

ный статус Назии — деревня в составе Приладожского городского поселения. Любителям местной истории и краеведам, которым, несмотря на военные разрушения, в этой местности по-прежнему есть, что посмотреть, добраться сюда совсем просто — до посёлка Приладожский из Петербурга, от станции метро «Улица Дыбенко», в течение дня почти каждый час, и даже чаще, ходит автобус.

На этом рассказ о поселениях на реке Назия, и о ней самой, можно было бы завершить, но, как мы отметили в самом начале статьи, её имя дало целый «букет» топонимов, причём от реки удалённых.

Таковым является *посёлок при станции Назия*, возникший в ходе строительства Петербурго-Вологодской железной дороги, полностью открытой для пассажирского движения в 1906 г. Сейчас это Волховстроевское направление Октябрьской железной дороги. Расстояние до станции от Московского вокзала Санкт-Петербурга — 68 километров, а непосредственно реку Назию путь пересекает на 63-м километре, где устроена одноимённая платформа.

Посёлок застроен преимущественно послевоенными домами дачного типа. По его северной окраине протекает правый приток реки Назии, речка *Кянга*. На её левом берегу — братское захоронение защитников Ленинграда 1941–1943 гг. (даты на гранитном обелиске, увенчанном каской: 1941–1944), вероятно, госпитальное. Среди многочисленных отдельных табличек с именами: *Смирнов Василий Максимович, 1904 г. р., журналист, г. Смоленск, на фронт ушел добровольно, погиб 8 сентября 1941 г.* В послевоенные годы вокруг захо-

ронения сформировалось поселковое кладбище с часовней Святителя Николая, освящённой несколько лет назад.

В 1917 г. станция Назия входила в состав Путиловской волости Шлиссельбургского уезда. С 1918 по 1921 гг. она числилась в составе Килозовского сельсовета Лукинской волости, в 1922–1924 гг. — Путиловской волости. С 1924 г. станция входила в состав Марковского сельсовета Путиловской волости, с 1927 г. — Мгинского района. С 1954 г. она относится к Путиловскому сельсовету, который в 1960 г. вошёл в территорию Волховского района. В административных справочниках прошлых лет статусная часть населённого пункта обозначена как *станция*, фактически же подразумевается *станционный посёлок*, число жителей которого в 1961 г. составляло 422 человека. Точно также — «ст. Назия» — название написано и на современных знаках, обозначающих границы населённого пункта.

По данным 1990 г. *посёлок при станции Назия* входил в состав Путиловского сельсовета Кировского района, после муниципальной реформы — в составе Путиловской волости, затем Путиловского сельского поселения. Численность населения в нём к 1997 г. сократилась до 161 человека, по переписи 2010 г. — выросла до 255.

К югу от станции в 1980-е гг. стали создаваться садоводческие товарищества, объединённые в садоводческий массив «*Назия*». Известно, что «коренные» жители станционного посёлка активно протестовали против появления таких «соседей», даже рыли рвы на подъездах к деревне и не пускали спецтехнику.

Наконец, самый значительный населённый пункт с названием *Назия* —

посёлок, стоящий ещё дальше по Волховстроевскому направлению, на реке Лава. Детище плана ГОЭЛРО и советской индустриализации, посёлок начал создаваться в 1927 г. Его появление при железнодорожной станции *Жихарево* (80 километров от Московского вокзала Санкт-Петербурга) связано с началом добычи торфа в болотистых верховьях Назии. В довоенном Советском Союзе торф был основным сырьём для выработки электроэнергии. Наличие огромных запасов топлива восточнее Ленинграда дало возможность, в дополнение к уже существовавшей Волховской ГЭС, построить ещё одну электростанцию. Так появилась 8-я ГРЭС на левом берегу Невы, почти напротив посёлка *Дубровка* (железнодорожная станция *Невская Дубровка*). Непосредственно к самой ГРЭС была подведена железнодорожная ветка от Мги, с конечной станцией для пассажирского движения, получившей типичное название в стиле советского «новояза» — *Невдубстрой*. Для поставки торфа на ГРЭС в 1932 г. создаётся торфопредприятие «Назия».

Станция *Жихарево* строилась в 1910 г. как *платформа 76-й версты* Петербурго-Вологодской железной дороги. После открытия она получила название по фамилии владельцев бывшей здесь усадьбы *Жихаревых*. Первые рабочие на станцию *Жихарево* прибыли в 1929 г. Их временно расселили по частным домам, а приехавших вместе с ними детей определили на учёбу в школы окрестных деревень. В 1931 г. открылась школа и в самом новом посёлке, поначалу разместившись в двух деревянных бараках. Она называлась *Назиев-*

стройской фабрично-заводской семилеткой. С появлением восьмых классов становится неполной средней, а позднее средней школой. В 1932 г. открываются библиотеки: для взрослых и детская. В ноябре 1939 г. в посёлке распахнул свои двери Дом культуры¹⁵.

В 1933 г. американские специалисты, искавшие в СССР спасения от Великой депрессии, провели геодезическую разведку местности в районе *Люкосарского озера*. Для организации здесь добычи торфа американцы создали систему рабочих посёлков, связанных между собой узкоколейкой с шестью станциями: *Сортировочная, 41-й Пикет, Второй Посёлок, 128-й Пикет, 186-й Пикет и Пятый Посёлок*. Всего рабочих посёлков было восемь. Седьмой, самый северный из них, стали называть *пос. Америка* — так он и подписан, например, на картах Генштаба Красной Армии: километровке 1937–1939 гг. и двухкилометровке 1942 г. В целом, название *Русская Америка* распространилось на всю систему рабочих посёлков. За посёлком № 3 для осушения болот был прорыт канал *Марион*, названный по имени жены одного из американцев.

Постановлением ВЦИК от 27 декабря 1933 г. «Об административно-территориальных изменениях в Ленинградской области» посёлок *Назия* был отнесён к категории рабочих посёлков. К 1935 г. численность его населения достигла 15,8 тысяч человек; затем оно стало снижаться, и к 1939 г. осталось уже менее 11 тысяч.

После войны *Назия* пребывала в запустении; 6-й, 7-й и 8-й рабочие посёлки восстанавливать не стали. В 1960-е гг.

¹⁵ kirovsk.47lib.ru/region/nazia

близ Назии, ставшей административным центром Назийского поссовета Волховского района, возобновилась добыча торфа, наступило оживление. Численность населения в 1970 г. превышала 10 тысяч (с учётом пяти рабочих посёлков, в каждом из которых проживало от трёхсот до пятисот человек), но ни разу так и не достигла довоенного уровня.

С образованием в 1977 г. Кировского района посёлок Назия был передан в его состав. Но произошло неизбежное — в начале 1980-х гг. запасы торфа за 5-м посёлком и на болоте Гладкий Мох оказались практически исчерпанными. Да и основной потребитель, ГРЭС № 8, отказался от торфа, что вновь стало вести к запустению. Число жителей Назии с 1970 по 2009 г. сократилось более чем в два раза и сейчас стабилизировалось на уровне 4,8–5 тысяч человек. Бывшие торфяные поля предполагалось раздать жителям Ленинграда под садовые участки, а узкоколейки приспособить для перевозки дачников, однако дальше предварительных планов и статей в прессе эта идея не продвинулась¹⁶.

Разработки оставшегося торфа для нужд котельной и местного сельского хозяйства продолжались вплоть до 2000 г. Последний участок узкоколейной железной дороги (к посёлку № 5) был полностью разобран в 2001 г.

Позднее по железнодорожной насыпи туда была проложена автодорога¹⁷.

Сейчас поселения «Русской Америки» практически заброшены. Посещающие эти места отмечают, что на территории посёлка № 3 сохранились многие дома — как деревянные, так и более современные каменные, а в Пятом посёлке есть изрядно обветшавший дом с надписью «Торфострой 1946». Немало пока ещё уцелело и хозяйственных построек, а в бывших жилых домах кое-где даже сохранилась мебель и другие предметы интерьера¹⁸...

На этом топонимическое путешествие по реке Назия и её окрестностям подошло к концу. Получилось оно несколько необычным: коротко рассмотрев историю поселений, исчезнувших во время Великой Отечественной войны, мы быстро достигли устья, вблизи которого и находятся два современных населённых пункта. Затем мы вернулись назад и удалились от реки на восток с тем, чтобы познакомиться ещё с двумя одноимёнными реке посёлками. В реальном путешествии без собственного транспорта (хотя бы велосипеда) такой маршрут за один раз совершить затруднительно, однако для нашей цели — знакомства с нечасто образующейся на значительных расстояниях друг от друга группой топонимов, порождённых названием одной реки, — он вполне подошёл.

¹⁶ Евгеньев С. Ласковая и нежная... Назия // Вести. 2012. 11 сент.

¹⁷ gde-brodit.livejournal.com/3902.html

¹⁸ petersburglike.ru/2015-11-01/derevnya-prizrak-pod-peterburgom/

Заметки о топонимии Поволховья в пределах Ленинградской области

Первые люди поселились здесь, в краю бескрайних лесов и топких болот, настолько давно, что узнать об их жизни в этих местах можно только благодаря археологическим исследованиям. С тех пор минули века и тысячелетия, на берегах этой огромной реки сменились десятки поколений, свершились миллионы событий, судьбоносных и рядовых. Лишь только сам Волхов, став ещё более величественным, по-прежнему несёт свои воды, безмолвно охраняя древние тайны, в которые совсем не просто проникнуть...

Вспомним слова Николая Надеждина — географа, историка, профессора искусств и археологии Московского университета, современника А.С. Пушкина, — полагавшего, что топонимия — это язык Земли, «а Земля есть книга, где история человеческая записывается в географической номенклатуре»¹.

Современная административная граница Новгородской и Ленинградской областей проведена столь причудливо, что территория Киришского района начинается задолго до того, как Волхов окончательно вступает в его пределы. Разделительная черта постепенно подходит к реке, но пересекает её далеко не сразу.

Волхов — одна из великих европейских рек с богатейшей историей, ось крупнейшего евразийского средневекового торгового пути «из Варяг в Греки» и «из Варяг в Арабы». Она упомянута и в ранних западных хрониках, и в самом начале «Повести временных лет». Что же именно может означать её название, каким образом оно возникло, какова была его изначальная форма? Прояснить это пробовали многие профессиональные учёные, а также шедшие за ними историки края и краеведы (полагаем, что эти понятия всё-таки не тождественны друг другу).

В XIX веке всё начиналось с пересказа и распространения популярных легенд, восходящих к древнерусскому летописанию. Одна из них, переписанная этнографом и краеведом Александром Артыновым из сборника, составленного в XVII веке супругами Мусиными-Пушкиными, повествует о Столпосвете, среднем сыне Вандала. Во время оно стал Столпосвет *«промышлять <...> по всей реке Мутной <...>, для этого промысла построил <...> себе нарочитое судно с круглой крытой палубой и длинным острокопечным носом и раскрасил его разными красками во всём похожим на морское чудо (крокодила) <...>. По этому судну он везде известен был под именем Волхова, по нём и река Мутная получила имя “Волхова”»*².

Другое предание узнаём, обратившись к трудам члена-корреспондента Санкт-Петербургской Императорской Академии наук, профессионального историка Николая Костомарова: *«Во многих наших хронографах XVI и XVII веков записана сказка, кото-*

¹ Надеждин Н.И. Опыт исторической географии русского мира. Статья первая // Библиотека для чтения. 1837. Т. XXII. [Ч. 2]. Отд. III. С. 28.

² www.newikis.com/ru/wiki/Столпосвят

рую едва ли мы имеем право оставить в полном пренебрежении, хотя в ней действительно есть явные нелепости. <...> В ней рассказывается, что потомки Афета — Скиф и Зардан, отлучившись от прочей братии, поселились на берегах Эвкипонта; потомки их там обитали долгое время, пока между ними не возникло междоусобие; тогда часть их, под предводительством Словена и Руса, решила оставить своё местопребывание, и пошли они искать себе нового отечества. Двигаясь на неизвестный им север, они дошли, наконец, до озера, которое по-белоруски называлось Мойско, откуда вытекала река, носившая на том же языке древних тамошних туземцев название **Мутная**³. Пришельцы начали гадать, и волшебная наука указала им, что именно здесь следует им основаться на жительство. Тут при истоке реки поставили они город и поселились. Озеро переименовали, по имени дочери Словена, в Ильмер, а реку по имени сына словенова Волхва — Волхов»⁴.

Как тут не вспомнить ещё и героя новгородской «былины о Садке», по мотивам которой Николай Римский-Корсаков создал одноимённую оперу, среди персонажей которой — дочь морского царя Волховá, а заодно и посвящённое ей полотно Михаила Врубеля! Впрочем, в самой былине обнаруживаются несомненные элементы, свидетельствующие о «*былой языковой общности (балто-славянской, славяно-балто-германской, европейской, индоевропейской)*»⁵.

Распространено мнение, что изначально в основе любой легенды лежит некий действительный исторический факт, который с веками переосмысливается, зачастую до неузнаваемости. Вместе с тем хорошо известно и то, что «*наша история о временах, предшествовавших принятию христианства, темна и наполнена сказаниями, за которыми нельзя признать несомненной достоверности*»⁶. Укажем, например, на курьёзное, запущенное в оборот Василием Татищевым, но до сих пор ещё встречающееся в литературе толкование происхождения названия города **Выборг**. Якобы это произошло от имени Выбора, старшего сына старейшины ильменских словен Гостомысла — того самого, который пригласил на княжение Рюрика.

Внешне подобные сюжеты выглядят красочно, но никаких исторических оснований под собой не имеют, всерьёз приниматься не могут, и давно уже отвергнуты наукой. По словам того же Н.И. Надеждина: «*Нет местности сколько-нибудь важной, которой имя не основывалось бы на предании, не служило бы основанием легенде*»⁷.

Однако до сих пор, часто безоговорочно, «топонимические мифы» воспринимаются на веру — и не только на уровне массового сознания (что понятно), но и в историко-краеведческой среде.

Так, киришский краевед Мария Потанина следующим образом начинает свои рассуждения о тайне названия реки: «*Вода в озере <Ильмень>*

³ Выделено Н.И. Костомаровым.

⁴ Костомаров Н.И. Русская республика: Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада: (История Новгорода, Пскова и Вятки). М., 2008. С. 6.

⁵ Новгородские былины / Изд. подг. И. Смирнов и В.Г. Смолицкий. М., 1978. С. 389.

⁶ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей: в 4 т. Т. 1. М., 1998. С. 33.

⁷ Надеждин Н.И. Опыт исторической географии русского мира. С. 28.

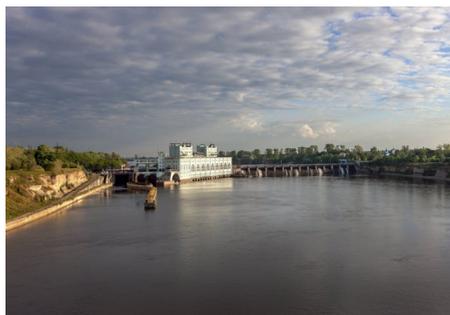
малопрозрачна, мутная, имеет зеленовато-бурый цвет. Это зависит от наносов, взмучивания воды ветром и большого количества водорослей. Постоянные ветры поднимают ил со дна. Вот почему **Волхов**, вытекающий из озера Ильмень, в древности назывался **рекой Мутной**. (В древних летописях река называлась только так.) <...> В новгородских (так! — Г. М.) летописях река уже называется не Мутная, а Волхов (Волхово, Волхова)»⁸. Сразу же сделаем одно немаловажное отступление.

Как ни странно, по какой-то причине далеко не все авторы, пишущие об истории края, учитывают следующее решающее обстоятельство: в верхнем и среднем течении **Волхов** — уже давно не река древних хроник и летописей, образ которой так ярко воссоздан на полотнах и в текстах Николая Рериха. В очерке «По пути из Варяг в Греки» (1900) он писал о Старой Ладогe: «Из-за кургана, наполовину скрытая пахотным чёрным бугром, торчит белая Ивановская церковь с пятью зелёными главами. Подле самой воды — типичная монастырская ограда с белыми башенками по углам. Далее в беспорядке — серые и желтоватые остовы посада вперемежку с белыми силуэтами церквей. Далеко блеснула какая-то главка, опять подобие ограды, что-то белеет, а за всем этим густо-зелёный бор — всё больше хвоя; через силуэты елей и сосен опять выглядывают вершины курганов. Везде что-то было, каждое место полно минувшего. Вот оно, историческое настроение...

Когда вас охватывает настроение, словно при встрече с почтенным старцем, невольно замедляете походку, голос становится тише и, вместе с чувством уважения, вас наполняет какой-то удивительный покой, будто смотрите куда-то далеко, без первого плана.

Поэзия старины, кажется, самая задушевная»⁹.

В целом, природный и исторический ландшафт с курганами и памятниками средневековой архитектуры сохранился лишь в нижнем течении Волхова — в Волховском районе. Выше города Волхов — там, где стоит плотина — река, по сути, представляет собой русловое водохранилище, образовавшееся после строительства Волховской ГЭС (1921–1927). Водохранилище хотя и низконапорное, но неизбежно повлиявшее на изменение ландшафта не только речной долины: подпор, созданный плотиной, ощущается даже в Старой Руссе.

Панорама Волховской ГЭС со стороны нижнего бьефа

Таким образом, часть археологических памятников, сохранявшихся ко времени появления гидроэлектростанции, неизбежно оказалась зато-

⁸ Потанина М.А. Загадки топонимики. Кириши, 1998. С. 26, 28 (выделено ею).

⁹ Рерих Н.К. Глаз добрый. М., 1991. С. 45–46.

плена или смыта, либо разрушена в результате возросшей хозяйственной деятельности.

Разумеется, ущерб от поднятия воды, решивший для судоходства многовековую проблему двух групп волховских порогов, вовсе несравним с той катастрофой, которая постигла коренные русские земли при создании Волжского гидроэнергетического каскада. Рядом с его грандиозными сооружениями Волховская ГЭС вовсе не велика, а сам Волхов представляет собой как бы разлив реки во время сильного весеннего половодья, многократно случавшегося и в прежние века (при этом Генрих Графтио сумел поставить станцию настолько точно, что вода во время паводков поднимается по-прежнему ежегодно).

«Первенец» плана ГОЭЛРО сыграл выдающуюся роль и в процессе индустриализации страны, и в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., но очевидно также и другое. В результате его появления наибольшие экологические проблемы создались именно на озере Ильмень — катастрофическое заиливание озера (и без того этим отличавшегося), и фактический вывод из хозяйственного оборота ценнейших земель Ильменской поймы. К концу 1970-х гг. проблема достигла таких масштабов, что её были вынуждены глухо признавать даже авторы советских научных и научно-популярных изданий о реке, правда, с отнюдь не случайной оговоркой: «Хотя плотина Волховской ГЭС удалена от озера Ильмень чуть ли не на 200 км, подпорное её влияние сказывается на озере. В этом нет ничего неожиданного, ведь высота плотины ГЭС ограничивалась лишь тем,

чтобы вызванный ею подъём воды в озере не мог нанести ущерб сельскому хозяйству»¹⁰.

В полный голос впервые о проблеме попытался заговорить писатель Фёдор Абрамов, в 1979–1980 гг. совместно с поэтом и журналистом Антонином Чистяковым написавший большой очерк «От этих весей Русь пошла», по итогам одной из своих поездок по Новгородской области. Часть очерка, в которой шла речь о спасении озера Ильмень, перепрофилировании Волховской ГЭС в музей ГОЭЛРО и спуске водохранилища, была категорически запрещена к публикации. Впервые этот текст появился в печати лишь в 1986 г., когда ни того, ни другого автора уже давно не было в живых...

«Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать», — пишут Фёдор Абрамов и Антонин Чистяков. — Следуя поговорке, решили отправиться на другой берег Ильменя, куда в разгар сенокосной страды отплывала на подмогу бригада рыбаков. <...>

Проехали добрую сотню километров и свернули с дороги на восточный берег озера, и тут все рассказы о здешних трясиных померкли перед увиденным.

Сквозь голубоватую испарину тускло зазеленела и заколыхалась береговая низина. Даже в нынешнюю неслыханно настойчивую засуху под корнями бурых кочек с редкими лезвиями осоки что-то зловеще булькает. В эту хлябь уже ни на колесах, ни на вёслах ни пробьешься. <...>

— Разве это трава! — пхнул носком водитель. — Тут попрыгаешь с кочки на кочку, да ещё ноги не косой, а осокой искровенишь. Как бритва — стерва!

¹⁰ Ильина Л.Л., Грахов А.Н. Волхов. Л., 1980. С. 96.

Пробрались ближе к узкой протоке. Справа и слева жалкие и жёсткие, как колючая проволока, сплошные заросли ивняка.

— На месте этих кустов раньше пашни были: места эти повыше и редко затоплялись,— разъяснял нам бывалый спутник.— Старожилы говорили, что помнят, как с этих нив по двести пудов зерна с десятины брали. А канареечник луговой с ручками скрывал, дичи тьма было, утята запутывались... <...>

Сколько же таких бывших пашен заболочено, сколько лугов ушло на дно ильменское? <...>

Поднятые ильменские воды оккупировали и придавили пахотную и луговую почву на огромной низинной территории Приильмения и равнинных волховских берегах вниз по течению на две сотни километров почти до <Старой> Ладogi, неподалёку от которой сооружена плотина»¹¹.

Таким образом, что бы ни стояло за летописными свидетельствами о реке Мутной,— древние люди, связанные с Ильменем и Волховом, находились среди иного ландшафта, нежели тот, который предстаёт перед нами сейчас. Подлинной исторической панорамы Волхова выше плотины ГЭС современное поколение не знает и не помнит. Конечно, ил и наносы существовали всегда, по этой причине вода в истоке Волхова действительно мутная.

Легенды о происхождении имён водных объектов лучше всерьёз вообще не рассматривать, тем более что и сама топонимика — не история края и не краеведение. Это область лингвистики. При толковании географических названий, особенно древ-

них, она пользуется данными многих наук, отнюдь не только исторических, но и геологии, гидрографии, географии, сравнительного языкознания...

Рассмотрение вопроса о возможном происхождении названия озера Ильмень находится вне рамок наших заметок, но, разумеется, речь здесь может идти лишь о решении некоего «ребуса» исключительно лингвистического происхождения, без какого-либо участия Столпосвета, Словена и Руса, как и в случае с названием реки Волхов. Только какого именно?

К настоящему времени практически все учёные, историки края и краеведы, занимавшиеся этой проблемой, окончательно сошлись во мнении, что название реки является уникальным, «реликтовым», существовавшим задолго до появления на его берегах как словен во главе с Гостомыслом, так и Рюрика с его «русью». Как именно оно звучало изначально, в точности установить, скорее всего, уже невозможно, но в изменённом виде досталось нам от тех древнейших времен, когда на берегах Волхова проживало население, племенной состав которого доподлинно неизвестен.

Выдвигать здесь любые предположения означает вольно или невольно создавать топонимические легенды сродни тем, которые уже были изложены выше. Так, языковед и лексикограф российского происхождения, иностранный член-корреспондент АН СССР Макс Фасмер принимает во внимание одну шведскую грамоту XVI века, где Волхов называется **Ålhava** (из финского **Olhavanjoki**), хотя и не поясняет, имеет ли это слово какое-то конкретное значение. Версию доктора

¹¹ Цит. по: Абрамов Ф.А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. СПб., 1993. С. 179–180.

славянской филологии Александра Погодина, сближающего современную форму название реки с финским **velho** («волшебник, волхв»), М. Фасмер, по понятным причинам, убедительной не считает¹².

Лингвист и историк финно-угорских народностей, доктор исторических наук Александр Попов, автор книги, ставшей настольным пособием для каждого исследователя происхождения географических названий Северо-Запада, в связи с аналогией **Olhava** высказывает предположение, что Вол- «могло бы быть правильным древнерусским отражением общего прибалтийско-финско-ого» *ala* — «низ», «нижний». Сделанный им вывод: «Если сравнивать это с речным именем Волга и принять во внимание, что путь по этой реке часто именовался дорогой «на Низ», что в некоторых северорусских говорах *волгас* означает «низменный берег реки», учесть ряд других соображений аналогичного характера, то, быть может, удастся создать некоторое более или менее правдоподобное толкование, остающееся, впрочем, только гипотетическим»¹³.

В целом же А. Попов, возможно, не без влияния идеологического прессы советского времени, склоняется к той версии, которая полагает Волхов названием прямого славянского происхождения. «*Действительно,* — пишет он далее, — *в писцовой книге 1500 г. по Вотской пятине*

мы встречаем, например, дер<евню> Волховой остров Кургуево (на Неве около устья Ижоры). Конечно, Кургуево — чисто ижорское название, но столь же несомненна природа названия Волховой остров (т<о> е<сть> Ольховый). Этот факт не единственный, и в Новгородских писцовых книгах указана ещё дер<евня> Волхово в Бежецкой пятине. Берега Волхова не страдают недостатком ольшаника, так что, возможно, здесь и содержится существенная часть разгадки названия Волхов»¹⁴.

Впрочем, оставаясь подлинным учёным, А. Попов сразу же делает важнейшую оговорку: «*Мы говорим, однако, только о частичной разгадке, так как могло существовать дославянское название, близкое по звучанию к теперешнему русскому, но имевшее иной смысл. Что касается названия Волхов в русском обиходе, то оно могло возникнуть именно как лёгкая переделка прежнего имени, нам неизвестного, на славянский образец*»¹⁵.

Попытки согласовать ряд **Ālhava** — **Ольховая** — **Волхов**, предпринимавшиеся рядом финских и российских специалистов (Иосиф Миккола и Яло Калима, Галина Смолицкая, Евгений Поспелов и другие), успехом не увенчались. Дополнительно отметим, что версию о происхождении названия от славянского «ольха» указал и Сергей Кисловской в единственном в своём роде, но уже давно устаревшем историко-топонимическом словаре

¹² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. М., 2004. С. 346.

¹³ Попов А.И. Следы времён минувших: Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л., 1981. С. 57.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

географических названий Ленинградской области¹⁶.

Вопросом, на берегах какой реки Северо-Запада ольха не растёт, даже задаваться не следует, тем не менее бездоказательная «ольховая» версия происхождения названия Волхов до сих пор занимает в литературе второе место по популярности после древнерусских легенд. Что же касается Е. Пospelова, то он идёт ещё дальше, приводя заодно и гипотезу, в соответствии с которой река в своей древнерусской форме **Волхово** получила название от карельского и финского *valk* — «белый», с переходом *lk* в *lx* и присоединением характерного русского окончания *-ово*¹⁷. Желая узнать подробности отсылаем к работе Евгения Сизёнова¹⁸.

Безусловно, название **Волхов**, какую бы первоначальную форму оно не имело, могло возникнуть только по какому-то признаку, отличающему его среди других рек края, вероятно, именно как крупнейший водоток.

По нашему мнению, название реки с первоосновой «растительного» происхождения вполне допустимо, — однако это может относиться только к небольшим речкам, которые были практически несудоходными даже в древности.

Например, общепринято выводить название впадающей в Ладожское озеро реки **Назия**, в древности **Назья**, длиной всего 42 км, в Кировском районе, соседнем с Киришским, из слова *nasia*, существовавшим в языке местного коренного населения — прила-

дожской лопи: оно означает «волчье лыко» или «волчьи ягоды». Возможно, что этот кустарник когда-то действительно настолько обильно рос по её берегам, что послужил главным отличающим признаком¹⁹. Вспомним и о том, что в Киришском районе и по сей день есть ручьи **Вязовик**, **Липовик**, **Ольховец**...

Протяженность же Волхова очень значительна (224 км), и это мощная река, с незапамятных времён активным образом использовавшаяся для водного сообщения. Невозможно представить, чтобы первобытный человек, перемещаясь вниз (вверх) по течению на десятки и сотни километров, от одного плёса к другому, не наблюдал на этих ещё таинственных для него берегах ничего более, кроме одного-единственного «растительного» признака — того самого, которым он якобы и обозначил для себя эту реку...

Итак, для окончательного прояснения смысла названия **Волхов** требуются какие-то дополнительные сведения. Мифы же *«чаще создаются вокруг тех слов, которые не имеют достаточно надёжной этимологии»*, — свидетельствует лингвист, историк, географ и писатель Эдуард Вартаньян, автор известных книг о языке. — *Легко сочинять такие мифы, труднее доказать их несостоятельность»*²⁰.

Коль скоро мы упомянули гидронимы, связанные с Киришским районом, что можно сказать о смысле названий притоков Волхова, текущих по его территории? Это **Велия**, **Тигода** (с притоком **Чагода**), **Посолка** (фактически

¹⁶ Кисловской С.В. Знаете ли вы? Словарь географических названий Ленинградской области. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1974. С. 23.

¹⁷ Пospelов Е.М. Географические названия России: Топонимический словарь. М., 2008. С. 146.

¹⁸ Сизёнов Е.П. Топонимия реки Волхов: От города Кириши до города Волхова // Новый Топонимический журнал. 2014. № 4. С. 4–26.

¹⁹ См. статью Е.П. Сизёнова в настоящем номере.

²⁰ Цит. по: Потанина М.А. Загадки топонимики. Кириши, 1998. С. 5.

рукав Тигоды), **Затесень, Оломна, Влоя, Сосенка, Пчевжа** (с притоками **Солоница** и **Пожупинка**), **Чёрная** (с притоками **Жалень, Задневка, Носовая**), **Прусуня**... Перечень можно расширить, но от кого же достались им такие имена?

Деревня Пчёва

Что такое **Прусуня**? Незначительная река (длиной 21 км), берущая начало из правобережных киришских болот под говорящими названиями Горелый Мох и Чистый Мох, текущая среди лугов и лесов фактически параллельно Волхову и впадающая в него уже на территории Волховского района примерно там, где на его противоположном берегу заканчивается Киришский район. Близ впадения Прусуня в Волхов расположены деревни **Прусуня** и **Прусунская Горка**, а напротив устья, в русле Волхова, находится остров Октября.

До революции, после возведения на нём в 1876 г. церкви Успения Пресвятой Богородицы, положившей начало организации здесь целого комплекса благотворительных учреждений, остров назывался Успенским, но первоначальное известное его наименование — **Прусунский**.

Распространённая версия толкования, приведённая С. Кисловским: *«Это название, а также такие, как Прусунская Горка, Прусово, Прусы, напоминают о том, что когда-то здешние места принадлежали жителям Прусской улицы в древнем Новгороде, который поддерживал торговые связи с Пруссией»²¹.*

Волхов в районе острова Октября

Прусская улица — одна из древнейших на Софийской стороне Великого Новгорода, в Загородском конце. В Новгородской первой летописи она упоминается неоднократно. Приведённая версия повторена Г. Смольницкой²², а также Г. Лебедевым и Ю. Жвиташвили²³, но доверия она не заслуживает. Стоит только задать вопрос: с какой стати понадобилось жителям целой улицы владеть какой-либо местностью, да ещё «коллективно»?..

К сожалению, источники информации С. Кисловского неизвестны, в конце его словаря помещён лишь небольшой список «использованной и рекомендуемой литературы».

²¹ Кисловской С.В. Указ. соч. С. 132.

²² Смольницкая Г.П. Топонимический словарь Центральной России: Географические названия. М., 2002. С. 274.

²³ Лебедев Г.С., Жвиташвили Ю.Б. Дракон «Нево» на пути из Варяг в Греки: Археолого-навигационные исследования древних водных коммуникаций между Балтикой и Средиземноморьем. СПб., 1999. С. 123.

Из сведений же, собранных автором настоящих заметок, следует, что **Прусинская выставка** (современная деревня **Прусиня**) с девятью деревнями впервые упомянута только в переписи 1711 г. как владение новгородского Николаевского Белого (Никола-Бельского) монастыря²⁴, основанного в 1313 г. и находившегося, кстати, тоже в Загородском конце (хотя и на значительном удалении от Прусской улицы). Не отсюда ли происходит предание о «коллективном» владении здешней местностью, с веками изменившееся до неузнаваемости?

О времени возникновения (или восстановления) Прусинской выставки можно предположить, что это произошло после 1623–1624 гг., когда царь Михаил Фёдорович повелел старцу Зосиме возобновить Никола-Бельскую обитель, разорённую в Смутное время, и подтвердил особой грамотой все её прежние права на вотчины и угодья.

Название деревни в форме **Горка Прусинская**, расположенной на правом берегу Прусини близ её устья, вообще появилось лишь в середине XIX века²⁵. До этого она называлась просто **Горка**²⁶. В средневековье здесь существовал **Прусинский погост**, на котором уже до 1577 г. стояла деревянная церковь Рождества Иоанна Предтечи²⁷.

Помимо «уличной», имеется ещё одна версия происхождения названия **Пру-**

синя, основанная на толковании, якобы распространённом среди местного населения: «*Неспроста появилась на карте <Новоладожского> уезда деревня Прусинская Горка: “прусом” здесь называли вредное насекомое — кобылку, нередко поедавшую хлеб*»²⁸.

Деревня Прусинская Горка

Из современных исследователей на эту версию обратила внимание, кажется, только М. Потанина. Определив, что в древнерусском языке действительно зафиксировано слово «прузи», означающее саранчу, она нашла его в «Повести временных лет» под 6603 (1095) г.: «*В се же лето придоша пружи, месяца августа в 28, и покрыша землю, и бе видети страшно, идяху к полуночным странам, ядуце траву и проса*» = «*В то же лето пришла саранча, месяца августа в 28-й день, и покрыла землю, и было видети страшно, шла она к северным странам, поедая*

²⁴ Новгородского уезд: Обонежская пятина: Заонежская половина: Сказки, поданные в 1710–1711 гг. переписчику Михаилу Ларионовичу Мордвинову // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8600. Л. 233–233об.

²⁵ Санктпетербургская губерния: Список населённых мест по сведениям 1862 г. / обработан И. Вильсоном. СПб., 1864. С. 118.

²⁶ Описание Санктпетербургской губернии по уездам и станам. СПб., 1838. С. 88; Алфавитный список селений, по уездам и станам С.-Петербургской губернии, составленный при Губернском статистическом комитете. СПб., 1856. С. 107.

²⁷ Земля Невская Православная: Православные храмы пригородных районов Санкт-Петербурга и Ленинградской области: Краткий церковно-исторический справочник / Сост.: В.В. Антонов, А.В. Берташ, Е.В. Исакова и др. СПб., 2006. С. 131.

²⁸ Дичаров З.Л. Волхов: Историко-краеведческий очерк. Л., 1961. С. 37.

траву и просо»²⁹. При этом М. Потанина не удержалась от комментария: «*Некоторые историки прочли эти слова летописца как о нападении пруссов на Русь*!»³⁰.

Понятно, что версия о «прузи» звучит ещё менее убедительно, чем о Прусской улице. Саранча как стихийное бедствие распространена преимущественно на юге; в умеренные широты время от времени она тоже может прорываться, но не настолько же впечатляюще, чтобы в память об избавлении от её губительного пришествия именно в этом месте оказался поставлен соответствующий храм, впоследствии «переросший» в погост, название которого перешло на реку. Или наоборот...

Возможно, это название вообще составное? В таком случае, следует поискать аналоги. М. Потанина в обеих своих книгах указывает на два названия со стороны левого берега Волхова — деревню **Наростыня** в Киришском районе, и речку **Смердыня** или **Смердынька** (длиной всего 10 км) в соседнем с ним Тосненском, при впадении которой в Тигоду существовала деревня, а ныне урочище **Смердыня**. Не проводя никаких параллелей, исследовательница выводит смысл обоих названий, опять же, из русских слов — «нарост» и «смерд».

Не исключено, что какая-то доля истины в таких определениях содержится. Между тем, очевидно, что большинство подобных топонимов только на первый взгляд имеют словенское (славянское), или русское происхождение.

Во второй книге М. Потанина высказывает весьма любопытную версию о трансформации названия **Пруссыня**, правда, не доводит свои рассуждения до конца: «*И ещё интересная мысль: был в Новгородской земле с древнейших пор городок Руса (ныне Старая Рус<с>а) и река Порустья, в устье которой и стоит этот город. И селение Русыня на реке Луга (в Новгородской области), может быть, по сходству с Русой и Порусьей, здесь на Волхове было селение и река названы Порусыня? Для облегчения произношения "о" выпало, и осталось "Пруссыня" (Русыня — Пруссыня)?*»³¹.

Как известно, до XVI века город Старая Русса действительно назывался Руса. Его первое упоминание содержится в одной берестяной грамоте XI века, а в Новгородской летописи — под 1167 г. Это напрямую указывает на его варяжское происхождение, «*тем более что раньше Русой называлась большая область к югу от озера Ильмень между реками Пола и Полисть. Определённый интерес представляет гидроним Порусья в басс<ейне> Полисти (севернее Ильменя), т<о> е<сть> река, находящаяся за Русой (за пределами территории Русы)*»³².

Обзор материалов по гипотезе о происхождении названия **Русь, Русская земля** подробно сделан в указанной книге Г. Лебедева и Ю. Жвиташвили. Коротко суть этого предположения заключается в том, что архаичным среднешведским термином «русъ», по крайней мере, в VIII веке обозначалась дружина варяжского князя, часть которой около 750 г.

²⁹ Цит. по: Повести Древней Руси XI–XII века: [сб.] / [Подг. древнерус. текста О.В. Творогова; перевод Д.С. Лихачёва]. Л., 1983. С. 103, 206–207.

³⁰ Потанина М.А. Загадки топонимики. С. 78; Она же. Топонимия Приладожья. Кириши, 2003. С. 99.

³¹ Потанина М.А. Топонимия Приладожья. С. 99.

³² Смолицкая Г.П. Топонимический словарь Центральной России. М., 2002. С. 326 (выделено ею).

прибыла на Волхов в то место, которое мы сейчас называем Старой Ладогой. Впрочем, «любому человеку понятно — Ладога гораздо старше»³³.

Успенский остров с правого берега Волхова. Фото 1903–1910-х гг.

Возможно, это потребовалось для обеспечения гарантии бесперебойного действия важнейшего торгового пути «из Варяг в Греки», окончательно освоенного не позднее 825–830 гг. «Обмен на материально-ценностном уровне (судя по материалам Ладоги и Бирки) устанавливается уже в середине VIII в <эка> и достигает максимума к середине X в <эка>»³⁴. Сама же водная коммуникация не переставала действовать вплоть до XIV века, то есть до завершения эпохи европейского Средневековья.

Оставим сейчас в стороне вопрос о причинах, времени появления и «национальном составе» населения Любшанского городища³⁵, несомненно, предшествовавшего укреплениям в Ладогe (название которой происходит из языка

местной «чуди»), но совершенно неверно «чаще всего <его> трактуют, связывая <...> со славянским словом “лад” — “мир”, “благополучие”»³⁶). Допустим, что **окончательно** обосновавшись в Ладогe как наиболее удобной речной гавани и сделав её основным опорным пунктом на Волхове, «русь» стала постепенно смешиваться с местным населением — славянами и «чудью».

Сам же Рюрик появился здесь, как принято считать, в 862 г. по призыву уже более-менее сформировавшейся ладожской знати в связи с восстанием славянских и финно-угорских племён, «изгнавших варягов», вслед за чем последовали межплеменные раздоры. Он «взял с собой “всю свою русь”»³⁷. Таким образом, «словоупотребление “вся русь” <...> равнозначно сочетаниям “всё войско, всё ополчение” <...>. Именно так, вероятно, следует понимать и соответствующее место русской летописи», — пишут Г. Лебедев и Ю. Жвиташвили. И далее: «Русская земля — земля, подчинённая князю и управляемая его “русью”, а со времени Крещения — Русская Земля, осенённая благодатью и объединившая население в конфессиональном единстве, наиболее значимом для создателя “Повести временных лет”»³⁸.

Остров в коренном русле реки — явление само по себе не частое. На Волхове в пределах Ленинградской области их два, и оба в Волховском районе — современный Антоновский, до революции Антонов (по легенде, здесь побывал новгородский

³³ Старая Ладога: Двенадцать столетий русской истории: Путеводитель с картой. СПб., 2008. С. 4.

³⁴ Лебедев Г.С., Жвиташвили Ю.Б. Указ. соч. С. 74.

³⁵ См.: Арутюнов Д.А. Исследование Любшанского городища // Он же. Васильевский погост во времени и судьбах. СПб., 2013. С. 224–235.

³⁶ Старая Ладога: Двенадцать столетий русской истории. С. 4.

³⁷ Лебедев Г.С., Жвиташвили Ю.Б. Указ. соч. С. 71.

³⁸ Там же. С. 76.

игумен XII века Антоний Римлянин)³⁹, а когда-то Вындин, первоначально Вындич (название, несомненно, финно-угорского происхождения), и упомянутый выше остров Октября, до революции Успенский, изначально **Прусунский**. К настоящему времени уже давно необитаемые, в древности по своему местоположению острова не могли не привлекать особенное внимание, тем более со стороны «руси», задача которой состояла в обеспечении относительной безопасности водного пути.

Обследование, проводившееся в 1949 г. на Антоновском острове, выявило селище с текстильной керамикой⁴⁰ (археологическая культура позднего бронзового века). Кроме того, на нём *«вдоль высокой западной береговой кромки в лесной чаще стоят три высоких насыпи, напоминающие курганы “приладожской культуры” IX–XII вв., отождествляемой с летописными “колбьягами”»*⁴¹.

Ещё одна сопка находилась на левом берегу Волхова, к югу от деревни Вындин Остров⁴² (смысл названия которой для непосвящённых утратился после изменения названия острова).

Данных по археологическим исследованиям на острове Октября и ближайшей к нему береговой территории нет, известно только, что он был густо заселён с 1876 г., когда здесь возвели Успенскую церковь, давшую начало богоугодным заведениям, и вплоть до 1964 г., когда отсюда выехал дом инвалидов⁴³.

Река Волхов у Старой Ладogi.
Фото М. Антипина

Выскажем предположение, что в древние времена постоянного населения на этом острове не было. Следовательно, он не имел и устоявшегося названия. Придя на Волхов, варяжская «русь» могла так или иначе здесь закрепиться — например, установить промежуточный наблюдательный пункт. В таком случае он оказался бы примерно посередине обычного опорными пунктами: деревней **Вельсы** (современная Вельца) — **Гостиним Подем** (сейчас посёлок Волхов) в Волховском районе, где заканчивались Волховские (Ладожские) пороги, и укреплением на месте современной деревни **Городище** в Киришском районе, где когда-то начинались пороги Пчевские.

Не стал ли он, таким образом, **островом русов**? *«Как и в Вельсах, подобный укрепленный пункт вполне могли защищать десяток — дюжина воинов, посаженных здесь “заста-*

³⁹ Александрова Е.Л. Водская пятинa — Ингерманландия — Санкт-Петербургская губерния — Ленинградская область: историческое прошлое. СПб., 2011. С. 434.

⁴⁰ См.: Лапшин В.А. Археологическая карта Ленинградской области: в 2 ч. Ч. 2. Восточные и северные районы. СПб., 1995. С. 132.

⁴¹ Лебедев Г.С., Жвиташвили Ю.Б. Указ. соч. С. 123.

⁴² Лапшин В.А. Археологическая карта Ленинградской области. Ч. 2. С. 132.

⁴³ Надеждин Р. Свод памятников природы, истории и монументального искусства Ленинградской области. Кн. I. Волховская земля. СПб., 2010. С. 129.

вою» для надзора за порядком и безопасностью, сбора пошлин и защиты речного пути, а вместе с ним — и ближайшей округи»⁴⁴. Затем название постепенно трансформировалось в **Руса — Русынский**? После того, как архаическая «русь» оказалась отделена несколькими поколениями, истинный смысл топонима прочно забылся. В результате, в соответствии с какими-то местными особенностями, к нему «присоединилась» ещё одна согласная, и он стал **Пруссыным**. Между прочим, слово **прусьенка** как обращение к корове зафиксировано именно в Киришском районе Ленинградской области⁴⁵. Может быть, местные жители, подобно русскому населению Заонежья, вывозили скот летом пастись на остров?

С появлением погоста на правом берегу притока Волхова, не позже середины XVI века, он также стал именоваться **Пруссыным**, а от него название окончательно закрепилось и за рекой **Пруссыней**. Как она до этого называлась — тоже неизвестно.

Кстати, по наблюдениям автора настоящих заметок, нынешние местные жители (в основном дачники) произносят куст «прусыньских» названий с ударением на второй слог, а не на первый. Возможно, опять же из-за утраты исторической памяти, здесь имеет место смещение ударения, как это произошло, например, с названием города Череповец в Вологодской области. Исторически правильно он произносится — Черёповец.

Дальнейшие разыскания покажут, действительно ли путь названия ока-

зался столь сложен, или же остров с самого начала назывался Пруссыным только благодаря коровам...

Итак, мы убедились, что объяснять гидронимы с дистанции многих веков и даже тысячелетий очень сложно, зачастую почти невозможно, но не меньшие трудности ожидают исследователей и при попытках расшифровать смысл наименований населённых пунктов.

Археологические изыскания в пределах Киришского района проводились по рекам Волхову, Пчевже и Пожупинке⁴⁶. Их результаты согласны между собой — к XII веку местность оказалась хорошо освоена, но определение более-менее точного времени возникновения большинства поселений, существующих и сейчас, сильно затруднено отсутствием фиксации в надёжных исторических источниках.

Так, о селце **Глажево** в Михайловском погосте Водской пятины определённо можно сказать лишь то, что оно существовало уже до 1500 г.⁴⁷ Впоследствии это было село на Староновгородском тракте примерно в трёх вёрстах вглубь от левого берега Волхова. Сейчас — деревня **Глажево**. Известны три версии происхождения её наименования.

Прежде всего, смысл названия закреплён в соответствующем «предании народном». Причём в данном случае точно известен его первоисточник — журнал «Земский вестник» (1900): «*Старинная деревня, которая раньше называлась Гляжево* (так! — Г. М.). Она расположена на высоте, преоб-

⁴⁴ Лебедев Г.С., Жвиташвили Ю.Б. Указ. соч. С. 124

⁴⁵ Словарь русских народных говоров. Вып. 33. СПб., 1999. С. 67.

⁴⁶ Лапшин В.А. Археологическая карта Ленинградской области. Ч. 2. С. 144–148.

⁴⁷ Переписная окладная книга по Новгороду Вотьской пятины 7008 года: (2-я половина) / Сообщено М.А. Оболенским // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. 1851. Кн. 11. Отд. II. С. 96.

ладающей над окружающей местностью. Здесь была построена вышка, с которой глядел часовой, чтобы вовремя предупредить дружину о приближении свеев (шведов), пытавшихся овладеть волховскими берегами»⁴⁸. Единственное реальное обстоятельство, которое, возможно, нашло отражение в этой легенде,— это вышка, но только не сторожевая, а сигнальная. Вернее, мачты сигнального телеграфа, установленные в начале XIX века «для большей безопасности судоходства по правому берегу, у селений Халтурино, Запорожье и Гостинополье <...>. На этих пятнадцатиметровой высоты сооружениях всегда можно было видеть большие, сплетённые из ивовых прутьев и окрашенные в чёрный цвет шары. Как только где-то в порогах происходила авария, шары опускались, и это служило сигналом к тому, что плыть вниз по реке нельзя»⁴⁹.

Герб Глажевского сельского поселения

Безусловное доверие к легенде оказалось настолько велико, что она отразилась даже в гербе Глажевского сельского поселения: «В червленом поле стоящий на зелёной земле с зелёным холмом посередине, поверх всего — золотой стрелец, держащий в левой руке золотой бердыш, а правую руку приставивший к глазам, сопровождаемый внизу золотой волнистой нитью, положенной в пояс, проросшей чередующимися такими же ягодами морошки с её листьями»⁵⁰.

В Санкт-Петербургской, Новгородской и Псковской губерниях ягоды морошки в разговорном языке действительно издавна назывались «глажи»⁵¹, да и обширное Глажевское болото до сих пор существует. Но, как уже было наглядно показано выше, доверять мнимому созвучию при толковании названий не следует. Тем более что посёлок **Глажево**, нынешний центр сельского поселения, на самом берегу Волхова (вот где бы и стоять вышке!) — современный, появившийся лишь в начале 1970-х гг. как новая центральная усадьба объединённого совхоза «Осничевский».

«А может быть, оно (село.— Г. М.) названо так потому, что расположено на гладкой и несколько возвышенной местности, с которой во все стороны открывается “гладь”»⁵².

Любопытно, что в первом издании словаря С. Кисловского (1968) приведена эта версия происхождения названия, а во втором наоборот —

⁴⁸ Цит. по: Потанина М.А. Загадки топонимики. С. 34.

⁴⁹ Дичаров З.Л. Волхов. С. 33.

⁵⁰ Решение Совета депутатов муниципального образования Глажевское сельское поселение Киришского муниципального района Ленинградской области от 4 февраля 2009 г. № 66/210.

⁵¹ Словарь русских народных говоров. Вып. 6. Л., 1970. С. 70; Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Вып. 4. СПб., 2011. С. 88.

⁵² Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. / Изд. СПб. епарх. ист.-стат. к-та. Вып. 9. СПб., 1884. С. 257.

версия о морошке⁵³. Вышку с часовым он вообще не упоминает... Наглядный пример того, как совпадения по созвучию нередко подводят даже опытных исследователей! Мы же склоняемся к версии о морошке.

В связи с этим приведем ещё два примера.

Рядом с современным посёлком Глажево находится деревня **Подсопье**. На первый взгляд происхождение такого названия кажется совершенно очевидным и очень «подходящим» для Волхова — тем более что на северной окраине деревни действительно были когда-то три сопки, ныне давно утраченные⁵⁴. Вот только историческая перспектива показывает нечто иное: **Подщепье** (1792) — **Подсопье** (1808) — **Подцыпья** (1816) — **Подцопье** (1834, 1865) — **Подсопье** (1871)⁵⁵. Налицо постепенный переход от первоначального названия, смысл которого в памяти поколений полностью утратился, к понятному, соответствующему географии местности, прошедший ряд этапов менее чем за столетие. Не зная подобного обстоятельства, очень легко впасть в заблуждение, пойдя по наиболее лёгкому пути: «На территории Киришского района, на левом берегу реки Волхова, находится деревня Подсопье (под сопками). К северу от деревни находились две (так! — Г. М.) сопки»⁵⁶.

Другой пример — деревня **Чирково**, находящаяся на правом берегу реки Чёрной, у северной границы города Кириши. М. Потанина по какой-то

причине оставляет её без внимания, между тем как объяснение этого названия очень простое. Первоначально, с конца XVIII века, здешней местностью, вместе с ближайшим селом **Пчёва**, владел граф П. Чирков (Черков), обер-гофмейстер императора Павла I⁵⁷.

В завершение нельзя не поговорить о названии центра Киришского района — современного многоэтажного города **Кириши**, расположенного на правом берегу Волхова.

«Город древний, город новый...» Ни одного здания старше 1961 г. здесь нет. Предания же о появлении на его месте первоначального поселения звучат приблизительно так: «...из Ладogi в Ильмень (так! — Г. М.) двигался плот с новгородцем Киришей (Киришей) и с многочисленным семейством. Волховские берега приглянулись усталому переселенцу — место сухое и равнинное, густой лес, неподалёку озеро. Так и возникла маленькая деревня Кириши.

Волхов в районе города Кириши.
Фото с Интернет-ресурса
www.kirishi-online.ru

⁵³ Кисловской С.В. Указ. соч. С. 34.

⁵⁴ Лапшин В.А. Указ. соч. Ч. 2. С. 145.

⁵⁵ Сизёнов Е.П. Указ. соч. С. 21–22.

⁵⁶ Потанина М.А. Загадки топонимики. С. 72.

⁵⁷ Александрова Е.Л. Указ. соч. С. 436.

Другая, столь же легендарная версия, связывает наименование с именами некогда живших здесь юных влюблённых — Кирилла и Ириши»⁵⁸. Известно, что эта местность на правом берегу Волхова, где в первой половине 1960-х гг., в связи со строительством крупнейшего на Северо-Западе энергопромышленного комплекса с нефтеперерабатывающим заводом (ныне «КИНЕФ»), вырос новый город Кириши, действительно населена с глубокой древности, хотя, возможно, и не со времён скандинавского присутствия на Волхове.

Во всяком случае, ещё в 1820 г. Зориан Ходаковский исследовал здесь жальник, находившийся между бывшими деревнями **Кириши** и **Плавницы** (в центре современного города): «Под дёрном открылся толстый слой угля, под которым найдены труположения, при одном из которых лежал нож»⁵⁹.

Панорама города Кириши.
Фото с Интернет-ресурса
www.kirishi-online.ru

Ещё один памятник — селище с керамикой XII–XIII веков — зафиксирован в 1970 г. Константином Плоткиным на левом берегу Волхова, к югу от бывшей деревни **Тухань**, напротив

корпусов Киришской ГРЭС⁶⁰. Других сведений пока не имеется, однако хорошо известно, что «археологических памятников нет только там, где их не ищут» (слова известного русского учёного А. Спицына)⁶¹.

Первое упоминание **Киришей** найдено в переписных книгах 1693 г. Деревня находилась во владении Романа Висленева и была не такой уж и маленькой — «20 дворов, 106 взрослых жителей»⁶². Конечно, в «одночасье» появиться она не могла, но, возможно, ранее носила какое-то другое название. Следует ещё раз внимательно изучить переписи и другие древние документы. Пока что точно выяснено только то, что в XVIII — 1-й половине XIX века форма написания имени поселения была «плавающей»: **Kiricha** (1724) — **Кириша** (1745) — **Киреши** (1792) — **Kirichi** (1812) — **Кириши** (1816) — **Киреш** (1838, 1856) — **Киреш / Кириши** (1862)⁶³.

В фамилиях и географических названиях замена гласных е > и встречается нередко. Выше уже был приведен такой пример: Черков > Чирков; в Кировском районе точно так же произошло с группой названий, связанных с фамилией помещиков Сенявиных, пожалованных землёй Петром I: **Сенявино** > **Синявино**. Понятно также и то, что *-ши* в данном случае не может считаться формантом, вроде бы присутствующим в названиях, разбросанных по всей Ленинградской области: Анташи, Коваши, Койгуши, Колтуши, Кондуши...

Возможно, название поселения произошло от реки **Киреша** (ныне

⁵⁸ Башкиров К.С., Штейнбах С.Ю. История и геральдика земли Ленинградской. СПб., 2008. С. 427.

⁵⁹ Лапшин В.А. Указ. соч. Ч. 2. С. 144–145.

⁶⁰ Там же. С. 145.

⁶¹ Цит. по: Голубев Г.Н. Неразгаданные тайны. М., 1960. С. 237.

⁶² История г. Кириши и района: сб. Кириши, 1995. С. 39.

⁶³ Сизёнов Е.П. Указ. соч. С. 10–11.

Кириша), но откуда получила имя она сама?.. Нельзя не учитывать также и то обстоятельство, что в соседнем Волховском районе существует деревня под аналогичным названием **Кириши** и почти с такой же исторически плавающей формой: **Киреш / Киришы**⁶⁴. Она расположена близ реки Кусега, а это уже напрямую указывает на финно-угорское происхождение данных названий, возможно, действительно от какого-то личного мужского имени, но никак не от русского Кир > Кирилл, как это предполагает та же Г. Смолицкая⁶⁵ (однако М. Потанину подобная версия не убеждает⁶⁶). Таким образом, топоним **Кириши** представляет собой ещё одну загадку Поволховья, разрешить которую

только на основании уже известных данных — невозможно... Исследуя топонимию любого края, не следует забывать, что сложившая в нём картина названий ни в коем случае не является случайной. Отдельно взятый топоним невозможно изучать как существующий сам по себе, вне совокупности географических названий данной местности, представляющих собой итог многотысячелетнего формирования языковых и исторических слоёв, существующий как непреложная данность. К топонимическому наследию, оставшемуся от прежних времён, следует относиться предельно внимательно, осторожно и бережно.

От редакции. По итогам VI открытого городского краеведческого конкурса «Наследники Бестужевских традиций», ежегодно проводимого Киришской городской библиотекой, эта работа Г.Г. Мартынова, публикуемая здесь в несколько сокращённом виде, 15 ноября 2017 г. получила первую премию в номинации «Тропинка в прошлое. По страницам истории Ленинградской области».

⁶⁴ Санктпетербургская губерния: список населённых мест по сведениям 1862 г. С. 115.

⁶⁵ Смолицкая Г.П. Указ. соч. С. 151.

⁶⁶ Потанина М.А. Загадки топонимики. С. 45–49; Она же. Топонимия Приладожья. С. 60–65.

А.Ю. Алексеев

О ПРЕДЫСТОРИИ НАИМЕНОВАНИЯ ПРОЕЗДОВ В ДАЧНОМ В 1962 г.

На рубеже 1950-х — 1960-х гг. на территории посёлка Княжево и земель совхоза «Предпортовый» началось строительство нового жилого района Дачное. В ноябре 2017 г. исполняется 55 лет со времени наименования первых проездов в свежестроенных дачинских кварталах — улицы Зины Портновой и проспекта Героев (с 1977 г. часть Ленинского проспекта).

Решение по наименованию этих проездов готовилось не один месяц. Более того, речь шла о присвоении названий ещё нескольким проездам, которые в итоге получили свои имена чуть позднее, в январе 1964 г.: улица Подводника Кузьмина, проспекты Ветеранов и Народного Ополчения... О том, как готовилось наименование этих улиц в Дачном, нам уже приходилось писать¹. Однако, изученные после опубликования статьи архивные документы начала 1960-х гг. позволяют внести некоторые уточнения в предысторию появления вышеупомянутых топонимов, а также раскрыть детали подготовки наименования магистралей в 1962 г. Обзору этой подготовки и посвящена настоящая статья.

Прокладка новых проездов планировалась на территории современного исторического района Дачное не одно десятилетие², но более конкретно вопрос о застройке земель южнее реки Красенькой начал ставиться в повестку дня только во второй половине 1950-х гг.

Так, в 1958 г. была опубликована статья архитектора А.В. Жука³, в которой он описывал подготовленный при его непосредственном участии проект северной части нового жилого района с соответствующим названием. На представленном макете можно было увидеть разделяющую будущие кварталы на две части широтную дорогу, известную как *Центральная дуговая магистраль* (ЦДМ), а также ещё ряд проездов. Подобная схема проездов присутствует и на карте к эскизу Генерального плана 1959 г.⁴ Вскоре планы стали воплощаться в реальность — уже в 1961 г. вошли в строй первые жилые дома в районе *Трамвайного проспекта*, а также здание средней школы № 481 (современный адрес — Ленинский проспект, 123, корпус 2).

Начавшееся строительство — в частности, дорожное — заставило задуматься над необходимостью наименования улиц в новых кварталах. Предложения в возникшую в это время Городскую комиссию по наименованиям (предшественницу современной Топонимической комиссии)⁵ в значительной степени шли от районных властей. К этим предложениям мы и обратимся.

¹ Алексеев А.Ю. Наименование «военных» улиц в Дачном в 1964 г.: Детали предыстории // Топонимический альманах. 2015. № 2. С. 31–34.

² См. карты к Генеральным планам развития Ленинграда на сайте «Окрестности Петербурга»: www.aroundspb.ru/karty/147/len_1948_plan.html (1948 г.) и www.aroundspb.ru/karty/148/len_1955_plan.html (1955 г.).

³ Жук А.В. Дачное // Архитектура и строительство Ленинграда. 1958. № 4. С. 18–20.

⁴ Карта к эскизу: www.aroundspb.ru/karty/227/len_1959_plan.html.

⁵ В документах разных лет можно встретить различия в наименовании комиссии («по наименованию / наименованиям», «проспектов, улиц, площадей города» / «улиц и объектов местного подчинения» и т. д.). Для удобства в настоящей статье используется данный вариант наименования этого совещательного органа.

На тот момент территория современного Дачного входила в состав Лиговского рабочего посёлка, который, в свою очередь, с 1950 г. подчинялся Кировскому райсовету. Именно его исполком выдвигал свои предложения по наименованиям для вышестоящих властей.

Наиболее раннее (из известных на данный момент) решений, в которых предлагались наименования для новых улиц Дачного, относится к 20 апреля 1961 г. (пункт 3 протокола № 10 заседания райисполкома)⁶. Среди прочих предложений по Кировскому району, касавшихся, в частности, Автово, границ проспекта Стачек⁷ и Химического переулка, нашлось место и следующему: «8. *Центрально-дуговую дорогу в пос. Дачное, проходящую во вновь строящихся жилых кварталах от пр. Стачек назвать Коммунистический проспект*»⁸. Стоит напомнить, что XXI съезд КПСС в 1959 г. провозгласил вступление СССР в период развёрнутого строительства коммунизма.

На это решение райисполкома последовала реакция из Архитектурно-планировочного управления (АПУ) Ленгорисполкома. В письме, датированном 16 июня 1961 г., идея была прокомментирована следующим образом: «*Наименование Центрально-Дуговой дороги в пос. Дачное — в Коммунистический проспект, представляется преждевременным, так как в пос. Дачное проходит лишь*

небольшая часть этой межрайонной транзитной городской магистрали»⁹. Видимо, в АПУ сочли неуместным использование столь пафосного названия для магистрали, которая должна была пройти лишь только в пределах Дачного.

Однако, застройка Дачного продолжалась, и вопрос о наименовании улиц становился всё более актуальным. Под заголовком «О наименовании улиц в кварталах новой застройки в пос. Дачное» (пункт 21 протокола № 28) Кировский райисполком 14 декабря 1961 г. принимает новый пакет рекомендаций¹⁰. Теперь уже речь шла о нескольких проездах, которые райисполком и просил назвать: «а) *улица ПОРТНОВОЙ — от Трамвайного проспекта между 1 и 2 кварталами по Юго-западным границам 4 и 6 кварталов новой застройки до Балтийской жел. дороги, с упразднением ранее существовавшей (так! — А. А.) Оборонной ул. в пос. Дачное;*

б) *бульвар ПОДВОЙСКОГО — от Трамвайного проспекта, между 2, 3, 4, 5 и 6 кварталами новой застройки до ул. Портновой (бывшая Оборонная);*

в) *улица ОПОЛЧЕНЦЕВ от Трамвайного пр. восточнее 3, 5 и 6 кварталов новой застройки до ул. Портновой (бывшая Оборонная);*

г) *улица ГАЙДАРА — от бульвара Подвойского, между 5 и 6 кварталами новой застройки до ул. Ополченцев».*

Отдельным подпунктом шло

⁶ ЦГА СПб. Ф. Р-100. Оп. 6. Д. 646. Л. 45–46.

⁷ По вопросу об определении границ проспекта Стачек и его продолжения на запад и наименовании этого продолжения в начале 1960-х гг. см.: Алексеев А.Ю. Петергофское шоссе — улица Стачек — проспект Стачек: Топонимические перипетии XX века // Встречи на Петергофской дороге (материалы краеведческой конференции «100 лет Кировскому району»). СПб., 2017. С. 7–9.

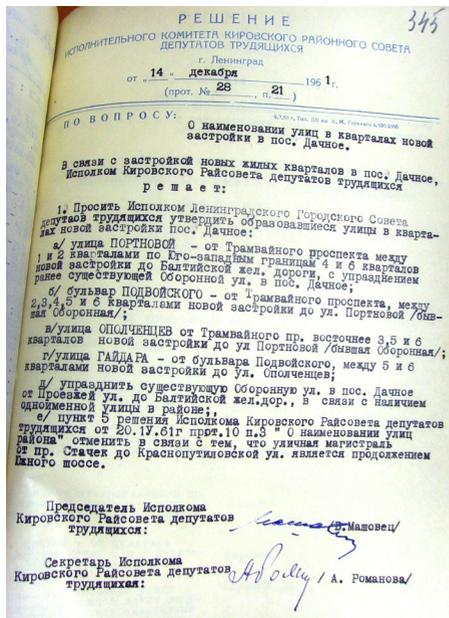
⁸ Цит. по: ЦГА СПб. Ф. Р-100. Оп. 6. Д. 646. Л. 45. В черновом варианте (Там же. Л. 47) проспект ограничивался линией Балтийской ж. д., однако в варианте окончательном, как видно, этого ограничения уже нет.

⁹ Цит. по: ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 41. Д. 476. Л. 20.

¹⁰ Там же. Ф. Р-100. Оп. 6. Д. 664. Л. 345.

упразднение Оборонной улицы «от Проезжей ул. до Балтийской жел. дор.», — то есть целиком.

Решение Кировского райисполкома
от 14 декабря 1961 г. по наименованиям
для новых улиц.
ЦГА СПб. ф. Р-100. Оп. 6. Д. 664. Л. 345.

Стоит заметить, что в черновом варианте предлагавшиеся названия были более развёрнутыми по форме: *улица ЗИНЫ ПОРТНОВОЙ, улица НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ* (а не Ополченцев), *улица АРКАДИЯ ГАЙДАРА*. Вместо бульвара Подвойского предлагался *бульвар КОММУНИСТИЧЕСКИХ БРИГАД* (с обоснованием: «В честь новых форм труда в строительстве коммунизма»).¹¹ К этому решению прикладывался

в виде таблицы «Список новых проездов Кировского района г. Ленинграда, подлежащих переименованию». В нём повторялись предложения по четырём вышеуказанным рекомендациям, а также были добавлены ещё два — из решения от 20 апреля 1961 г., а именно: *Домостроительная улица* (будущая улица Примакова) и — несмотря на первоначальную отрицательную реакцию АПУ — снова *Коммунистический проспект*. Несмотря на то, что в графе «район» указан только один Кировский, в обосновании говорится следующее: «*Центральная магистраль нового многоэтажного жилого района, соединяющая Кировский, Московский и другие районы города Ленинграда*»¹².

Таким образом, Кировский райисполком предлагал создать в Дачном смешанный топонимический ансамбль, который затрагивал бы сразу две темы. С одной стороны, выдвигалась идея очередного увековечения революционного движения, первых советских лет и строительства коммунизма — отчасти она уже присутствовала в топонимии Кировского района (площадь и проспект Стачек, улицы Шкапина, Корнеева и т. д.), в истории которого имели место соответствующие сюжеты. С другой — в Кировском районе невозможно было «забыть» и тему Великой Отечественной войны. За полтора десятилетия после её победоносного завершения здесь уже был подобным образом наименован ряд проездов (улицы Зайцева, Маршала Говорова и т. д.).¹³ По сути, данная тема становилась основной для района.

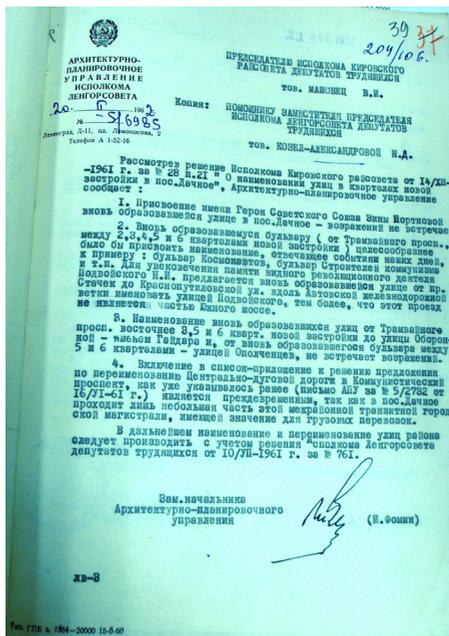
¹¹ ЦГА СПб. ф. Р-100. Оп. 6. Д. 664. Л. 350.

¹² Там же. Л. 346.

¹³ Алексеев А.Ю. Первые улицы в Дачном, наименованные в связи с Великой Отечественной войной // Встречи на Петергофской дороге: (Материалы краевед. конф.). СПб., 2015. С. 3–4.

Нужно также отметить, что два из четырёх наименований, предлагавшихся в 1961 г., ранее уже рассматривались. *Улица Зины* (именно так!) *Портновой* была в черновом варианте решения Кировского райисполкома от 22 декабря 1960 г., но в окончательный не вошла. Так предлагалось назвать нынешний участок улицы Червоного Казачества от проспекта Стачек до Краснопутиловской улицы¹⁴. Тот же участок в решении от 20 апреля 1961 г. райисполком рекомендовал называть уже улицей Подвойского. Теперь оба этих имени предполагалось увековечить в Дачном. До присвоения в тот момент дело так и не дошло. Впрочем, и незамеченными эти предложения не остались.

Во-первых, вновь отреагировало АПУ. В письме от 20 февраля 1962 г.¹⁵ улицы в честь Зины Портновой, Аркадия Гайдара и ополченцев возражений не встретили. Относительно бульвара Подвойского в письме указывалось, что «целесообразнее было бы присвоить наименование, отвечающее событиям наших дней, к примеру: бульвар Космонавтов, бульвар Строителей коммунизма и т. п.»¹⁶. Николая Подвойского вновь предлагалось увековечить в районе Красенького кладбища¹⁷. Насчёт же Коммунистического проспекта, с отсылкой к предыдущему письму, по-прежнему говорилось о преждевременности такого присвоения.

Письмо из Архитектурно-планировочного управления от 20 февраля 1962 г. по поводу решения Кировского райисполкома, принятого 14 декабря 1961 г. ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 41. Д. 517а. Л. 39

Во-вторых, на райисполкомовские рекомендации откликнулся Музей истории Ленинграда. В адрес секретаря Комиссии по наименованиям Н.А. Козел-Александровой пришло письмо за подписью его директора Л.Н. Беловой, озаглавленное «ЗАКЛЮЧЕНИЕ на проект реценция (так! — А. А.) Исполкома Кировского районного совета депутатов трудящихся от 14 декабря 1961 г. «О наименовании улиц в кварталах новой застройки в поселке Дачное»».

¹⁴ ЦГА СПб. Ф. Р-100. Оп. 6. Д. 593. Л. 156.

¹⁵ Там же. Ф. Р-7384. Оп. 41. Д. 517а. Л. 39.

¹⁶ Возможно, на эту рекомендацию обратили внимание в 1963 г., когда районная (не городская) комиссия, готовившая предложения для райисполкома, предложила вариант «бульвар Новаторов», который и был рекомендован (решение и рекомендации Кировского райисполкома от 27 июня 1963 г. см.: ЦГА СПб. Ф. Р-100. Оп. 6. Д. 817. Л. 54-57).

¹⁷ Причём указывалось, что «этот проезд не является частью Южного шоссе».

Письмо датируется 14 марта 1962 г., и в нём сказано следующее: «*Ознакомившись с представленным проектом, Музей истории Ленинграда считает возможным поддержать предложение о наименовании улиц именами Портновой (лучше Зины Портновой) и Подвойского, а также присвоить улице название улицы Ополченцев (лучше улицы Народного ополчения).*

Ввиду невозможности наименования двух улиц именем писателя Гайдара музей считает целесообразным поддержать предложение Невского райсовета о присвоении его имени в с. Рыбацком, а не в Кировском районе.

Кроме того, музей поддерживает вновь разработанное райсоветом, при участии представителя от музея, предложение по наименованию улиц в Кировском районе, которое мы прилагаем»¹⁸.

Список, озаглавленный «Предложения музея Л-<енингра>да», действительно существует, и хотя в архивном деле он по каким-то причинам отложился в другом месте, но, по всей видимости, относится именно к этому письму¹⁹. В нем представлено 13 рекомендаций. Применительно к Дачному интерес представляют следующие:

— в честь Подвойского вновь рекомендовалось назвать не бульвар, а улицу возле Красненького кладбища, как предлагало и АПУ (п. 4);

— отдельным пунктом упомянут посёлок Княжево с формулировкой «застроен новыми домами», но что именно планировалось с ним делать, не сказано (п. 5);

— предлагалось продлить Трамвайный проспект, определив его границы «от Петергофского шоссе²⁰ до Балт<ийской> ж. д.» (п. 6);

— вместо улицы Ополченцев выдвинута форма «улица Народного Ополчения», причём она должна была продолжаться от Трамвайного проспекта уже до улицы Третьего Интернационала (современного Дачного проспекта) (п. 7);

— улицу Зины Портновой (с именем!), как и в решении от 19 декабря 1961 г., предлагалось вести углом до улицы Народного Ополчения (п. 8);

— для бульвара предлагалось наименование «бульвар Славы», а от его уширения, выделяемого в «площадь Славы», должна была отходить не улица Гайдара, а Боевой переулочек: «В память о боевых делах Народного Ополчения» (пп. 9–11);

— Коммунистический проспект в списке сохранялся, более того, как говорилось в обосновании, «широкому кольцевому проспекту города в будущем — должно быть присвоено и соответствующее будущему страны наименование». То есть, надо полагать, речь шла о будущем наименовании подобным образом всей ЦДМ (п. 12);

— наконец (п. 13), был поднят вопрос о продолжении улицы Зины Портновой на запад: «Срединная улица (по генплану) и Ждановская ул в пос. Дачном». Решение предлагалось следующее — наименовать его проспектом Космонавтов, поскольку «большая улица будущего должна получить название в честь наших героев космонавтов».

Комиссия по наименованиям, которая должна была поддержать (или от-

¹⁸ ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 41. Д. 517а. Л. 94. (Орфография и пунктуация подлинника сохранены.)

¹⁹ Там же. Л. 43–44.

²⁰ Которое предлагалось считать «от переезда ветки Автовской ж. д.»

клонить) выдвинутые рекомендации, в том числе от Кировского райисполкома, собралась на своё заседание 2 апреля 1962 г.

В архиве сохранился список названий проездов, которые должны были быть вынесены на заседание²¹. Применительно к Кировскому району документ частично (не целиком) коррелирует с предложениями из списка Музея истории Ленинграда. Помимо прочих наименований в нём присутствуют: *улица Зины Портновой и улица Народного ополчения* (со строчной буквы; замечание «или Ополченцев» перечёркнуто) — возле них стоят галочки. *Коммунистический проспект* перечёркнут, а возле названия *проспект Космонавтов* (в скобках: «шоссе Энтузиастов?») поставлен знак «минус». Также наличествует продление Трамвайного проспекта, а к участку Южного шоссе у Автово, который, как и предлагал музей, предполагалось переименовать в честь Подвойского, дан комментарий: «в Дачном — посм<отреть>».

В итоге на самом заседании были одобрены следующие рекомендации: улица Зины Портновой, но без включения Оборонной улицы; продление Трамвайного проспекта; вместо Коммунистического проспекта — проспект Героев. Вариант с проспектом Космонавтов для Срединной и Ждановской улиц был этим же решением отклонён²².

В свою очередь, Кировский райисполком уже 12 апреля 1962 г. (п. 14 протокола № 9) принял новый пакет рекомендаций для Комиссии

по наименованиям. В нём вновь, как и в пакете от 19 декабря 1961 г., предлагались бульвар Подвойского и улица Гайдара, а также — уже рекомендованный Комиссией проспект Героев²³.

Применительно к этому варианту существует и графическое отображение. На карте от института «Ленпроект», подписанной «Проект детальной планировки р<айо>на Дачное» (с датой 23 августа 1962 г.)²⁴, находим все указанные в предыдущем абзаце наименования, а в дополнение — улицу Ополченцев и отклонённые ранее Комиссией по наименованиям проспект Космонавтов и «удлинённую» версию улицы Зины Портновой.

Тем временем решение Комиссии по наименованиям от 2 апреля всё ещё не было претворено в жизнь. Началась подготовка к новому заседанию, состоявшемуся 20 октября 1962 г., на которое и попали предложения Кировского райисполкома. Чернового вариант списка проездов для этого заседания также отыскан в архиве...

В этом месте необходимо вернуться к тому, с чего начиналась эта статья — к публикации о наименовании «военных» улиц в Дачном в 1964 г. В ней, в частности, говорилось, что в материалах Комиссии по наименованиям за 1963 г. сохранилось три черновых списка, где присутствует Кировский район. И особняком среди них стоял второй список, о котором в публикации сказано следующее: «Этот список, не очень большой, оставляет несколько странное впечатление.

²¹ Фрагмент по Кировскому району: ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 41. Д. 517а. Л. 20–22. При этом в тексте уже есть более поздние пометки «1305» (например, про продление Трамвайного проспекта: Л. 21), означающие, что данное предложение было впоследствии реализовано через соответствующее решение Ленгорисполкома.

²² Там же. Л. 4, 7.

²³ Там же. Ф. Р-100. Оп. 6. Д. 737. Л. 262.

²⁴ Проект детальной планировка р<айо>на Дачное, 1962 г. (позднейшая калька). Ленпроект. Из личного архива автора (получено от А.З. Коникова).

С одной стороны, кажется, будто он отражает подготовку к решению 1962 года — в нём, например, значится проспект Героев или улица Зины Портновой, в которую, в частности, предлагается включить уже не Срединную, а Оборонную улицу, а последнюю (приведённую в границах «от Ждановской ул до Красной ул.») — «упразднить» (так! — А. А.). Впрочем, для ул. Зины Портновой вариант с включением Оборонной ул. вычеркнут и оставлена только та трасса, которая и существует с 1962 года поныне. С другой стороны, в нём есть и «улица Народного Ополчения» — правда, только от Трамвайного проспекта до предлагавшейся трассы улицы Зины Портновой. По будущим проспекту Ветеранов или улице Лёни Голикова информации не приведено»²⁵.

Сей список, каким-то образом оказавшись в материалах 1963 г., и фигурирует в качестве чернового к заседанию Комиссии от 20 октября 1962 г.²⁶ По поводу же появления топонима, увековечивающего ополченцев, теперь ясно, что подобная идея возникла отнюдь не в 1963 г., как предполагалось прежде, а несколько ранее, — просто до её реализации дело дошло не сразу.

Впрочем, в черновой вариант уже внесены определённые поправки. Так, рядом с проспектом Героев карандашом написано: «В ГК и ОК²⁷ посоветоваться!» и «до Невы!», а что касается улицы Зины Портновой, в которую вновь предложили включить Оборонную улицу, то это присоединение там вычеркнуто. Также стоит доба-

вить, что бульвар в Дачном опять предлагалось назвать в честь Подвойского, а короткую улицу, идущую от него — снова в честь Гайдара (как и на вышеуказанном плане июля 1962 г., и в решении от 14 декабря 1961 г.).

В итоге, Комиссия, как и на заседании 2 апреля, согласилась на улицу Зины Портновой (при этом отдельным пунктом сохранялась Оборонная улица) и проспект Героев²⁸. В последнем случае в состав формируемого проспекта было предложено включить улицы Галстяна и Типанова со следующим комментарием: «Одобрить в принципе. Дополнительно обсудить вопрос в директивных органах о целесообразности присвоения единого наименования такой большой магистрали, которая проходит через три района города». Варианты же с бульваром Подвойского, улицей Гайдара и улицей Народного Ополчения были отвергнуты — первые два окончательно, а третий, как уже говорилось, в следующем, 1963 г. вновь приняли к разработке на районном уровне и воплотили с иной статусной частью уже в 1964 г. Прочие же проезды, наименования для которых рассматривались Комиссией в 1962 г., но были отклонены, также получили свои названия в 1964 г.

О том, как магистраль, не ставшая проспектом Космонавтов, в итоге превратилась в проспект Ветеранов, и о дальнейшей судьбе Оборонной улицы (в итоге ставшей улицей Подводника Кузьмина) говорилось в уже упомянутой нашей предыдущей статье. Что касается бульвара, то райисполком в 1963 г. предложил именовать его *бульваром Новаторов*, и это было одобрено на го-

²⁵ Цит. по: Алексеев А.Ю. Наименование... С. 33.

²⁶ Фрагмент по Кировскому району: ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 41. Д. 517а. Л. 71–74.

²⁷ То есть в городском и областном комитетах партии.

²⁸ ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 41. Д. 517а. Л. 50, 53–54.

родском уровне. Для идущей же от него улицы Комиссией по наименованиям рассматривался вариант *бульвар Сирины*, но было решено остановиться на *Счастливой улице*, перенеся это название из Автова.

Последним штрихом стало обсуждение вопроса на уровне собственно Ленгорисполкома, состоявшееся 12 ноября 1962 г. (этим числом зачастую ошибочно и датируется окончательное решение). В процессе обсуждения председатель исполкома (соответственно, формальный глава города) В.Я. Исаев заметил: «...улицу *Тупанова* есть предложение оставить в Московском районе и пока переименовывать не будем, а проспект Героев ограничим до *Балтийской дороги*»²⁹. Таким образом, идея слияния разных участков ЦДМ под одним именем была отвергнута. Частично она претворилась в жизнь лишь в 1977 г., когда проспект Героев и улицу Галстяна объединили под наименованием Ленинский проспект.

Наконец, 17 ноября 1962 г. вышло решение Ленгорисполкома № 1305, кото-

рым, среди прочего, наконец были официально наименованы: участок ЦДМ в Дачном — проспектом Героев, а пересекающий его проезд — улицей Зины Портновой³⁰. Кроме того, официально фиксировалась новая трасса Трамвайного проспекта.

Таковы перипетии предыстории появления наименований первых новых улиц в Дачном, проходившего в начале 1960-х гг. Принятие решений в области топонимики — занятие отнюдь не простое. Поэтому нет ничего удивительного в том, что предлагавшиеся варианты в ходе подготовки к этим самым наименованиям нередко корректировались, причём (как в случае с будущим бульваром Новаторов) вполне могло иметь место и возвращение к ранее отвергнутому варианту. Немалую роль в корректировке играло АПУ, свой вклад в неё внесла и деятельность сотрудников Музея истории Ленинграда. В итоге, впрочем, было согласовано всего два названия, остальные проезды оказались наименованы позже.

- 7 - Приложение 1
к решению от 17.11.62

п.п.	1	2	3	4	5	6
16. Аксеновский пер.	От Дельцовского пр. до Пискаревского пр.	Улицы Зины Портновой	Проезд Зина Портновой			
1. Без названия	Пос. Личное, от Бульварного пр. до 2-й Юрковской улицы	Улицы Зины Портновой				В границах территории Карпового Р-РФ, вост. Юрковской улочки в блок с существующим застройщиком постройку пригородного здания Юрия Соловьева Сова
2. Без названия	пос. Личное, от Троицкого пр. до Балтийской набережной дороги	Троицкий проезд				Продолжение строительства здания фабрики Фрунзенского
3. Без названия	пос. Личное, Центральная другая часть района до Дельцовского шоссе	пр. Героев				Центральная часть района осваивает зона районной застройки Карпового Р. Юрковской и Васильевской улочек

11/62

Фрагмент решения Ленгорисполкома № 1305 от 17 ноября 1962 г. о наименовании улиц Ленинграда. ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 41. Д. 334. Л. 120

Строительство зданий на проспекте Героев (ныне – Ленинском), первая половина 1960-х гг. Журнал «Огонёк», № 5, 1964

²⁹ Цит. по: Там же. Д 272. Л. 193.

³⁰ Соответствующий фрагмент решения: Там же. Д. 334. Л. 120.

А.Д. Ерофеев

Рассказы о петербургских улицах

Старобельская улица

В декабре 1952 г. Фридрихсгамскую улицу на Выборгской стороне переименовали в Старобельскую, в память об освобождении в 1943-м от фашистов города Старобельска Ворошиловградской (ныне Луганской) области.

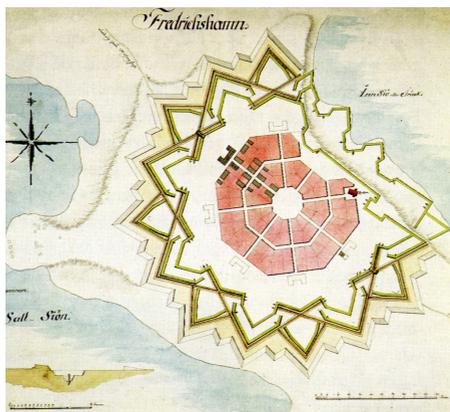
Старобельская улица

Нынешнее название никак не привязано ни к конкретному месту (улица проходит от Чёрной речки до Белоостровской улицы), ни к городу на Неве вообще. Между тем, предыдущее было не случайным, ибо многие улицы на Выборгской стороне наименовывались в конце позапрошлого века по городам Финляндии, а конкретно Фридрихсгамская напоминала о знаменитом мирном договоре, подписанном в этом маленьком городе-крепости в 1809 г. Согласно ему, «Финляндия как Великое Княжество навеки входит в состав Российской империи».

Фридрихсгам, по-шведски Фредриксгамн, названный так в честь шведского короля Фридриха, возник после Ништадтского мира как пограничный город на месте разрушенного за годы Северной войны Вехкалаhti.

Строительство крепостных сооружений, в плане очень напоминающих Петропавловскую крепость, велось под руководством шведского генерала Аксела фон Левена. Правда, заканчивали строительство под руководством русских — в 1743 г. эта территория от шведов перешла к России. Через полвека командовать строительством мощных укреплений будет уже Александр Васильевич Суворов.

Но после подписания Фридрихсгамского мирного договора город-крепость потерял своё военно-политическое значение. Для Финляндии же договор означал, что она приобрела собственные государственные границы, хотя и на правах автономии. Через 108 лет В.И. Ленин в благодарность за помощь в предоставлении ему укрытий от Временного правительства даст Финляндии независимость.

План Фредриксгамна. 1720

По-разному относятся сами финны к тому договору, к периодам шведского господства и русского владычества. Но историю берегут. В одном из старейших городских зданий, в котором летом 1783 г. вели переговоры родственники-враги императрица Екатерина II и шведский король Густав III, открыт музей. На месте, где когда-то находилась служебная квартира коменданта крепости, в которой был подписан Фридрихсгамский мирный договор, установлен мемориальный камень в память об этом событии. Да и в названиях улиц отражены все пласты истории города: XVIII век обозначен Фредрикин-кату (Фридриховской улицей, по-нашему), XIX — Марианкату (Мариинской, в честь Марии Фёдоровны, супруги Александра III), XX — Маннергеймкату — в честь Карла Густава Маннергейма, главнокомандующего финской армии в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг., строителя оборонительных сооружений, получивших название «линии Маннергейма». А сам город финны давным-давно именуют по-своему. Народный язык обыграл Фридрихсгам и превратил его в Хамину. Фридрихсгам и Хамина — это примерно то же, что и пары Ораниенбаум — Рамбов и Шлиссельбург — Шлюшин.

*«Утро Петербурга»,
30 марта 2001 г.*

Хамина, здание городской ратуши

Ириновский проспект

С каждым годом трамвайная столица мира, каковой по праву считается Петербург, теряет исторические участки трамвайных путей в центре города. К сожалению, исчезли рельсы с Адмиралтейского проспекта и Конногвардейского бульвара, по которым осенью 1907 г. прошёл первый петербургский трамвай.

Петербургский трамвай имеет давнюю, теперь уже частью забытую историю. Так, пассажиры трамваев 12-го и 30-го маршрутов, следуя в сторону Ржевки, даже не догадываются, что примерно от проспекта Энергетиков едут по старой Ириновской железной дороге, которая открылась за 15 лет до появления в Петербурге трамвая.

Трамвайные пути на Ириновском проспекте. Фото Д. Иванова

История её создания началась в 1889 г., когда на ходатайство барона Павла Леопольдовича Корфа, бывшего городского головы и председателя Императорского вольного экономического общества, Комитет министров наложил резолюцию, которую мы частично процитируем: *«Комитет... признал целесообразным оказать Действительному Стат-*

скому Советнику барону Корфу возможное содействие к осуществлению задуманного им предприятия освобождением его от всяких стеснительных для него условий».

«Задуманная дорога,— говорилось далее в документе,— хотя и не имеет государственного значения, но, тем не менее, может оказать существенную пользу прорезываемой ею местности...».

31 декабря 1889 г. находившийся в Гатчине император Александр III утвердил проект, сделав новогодний подарок барону Корфу и жителям Охты и Пороховых.

Церковь св. Ильи Пророка на Пороховых.
Фото 1914 г.

Дорога пролегла от Большой Охты, примерно с того места, где ныне стоит многоэтажный дом (универмаг «Юбилей»), до принадлежавшего барону Корфу имения Ириновки.

Любопытны условия, которые ставил барону комитет. На строительство

пути отводилось три года <...> «со дня Высочайшего утверждения условий существования оногo», причём продление срока строительства допускалось лишь в случае войны, сильных наводнений или «других общественных бедствий». Войн и «других общественных бедствий» за это время не случилось, а три наводнения 1890 г. не помешали строительству дороги, которая была закончена в 2 года 9 месяцев со дня высочайшего утверждения.

Согласно условиям, барон Корф должен был уплачивать государственной казне по 0,5% с валового оборота дороги, а оборот этот складывался из оплаты перевозки торфа с Ириновских разработок в город и перевозки пассажиров. Тарифы были такие: 3 копейки с версты в вагоне 2-го класса, да за багаж не более полушки за пудо-версту. (Для справки: полушка — четверть копейки, пуд — 16 кг, верста — 1 км 450 м). Полушку стоила и пудо-верста для грузоперевозок. Плата по полному тарифу должна была взиматься практически со всех, включая «арестантов с их тяжестями». Льготы предоставлялись только офицерам и врачам.

Ириновская дорога сразу стала популярной. Способствовали этому и престольные праздники, когда народ буквально валом валил в церковь Ильи Пророка, что расположена в Ильинской слободе в Пороховых. Популярность её среди петербуржцев объяснялась тем, что в засушливое лето 1730 г., когда Петербург отчаянно горел, сюда был совершён крестный ход и отслужен молебен святому Илие, после которого пошли дожди, и молодая российская столица была спасена.

Вот интересное свидетельство одной из столичных газет конца XIX века:

«Ириновская дорога была не только единственным средством сообщения для жителей южной части Карельского перешейка, но и одним из основных перевозчиков на территории Охтинского пригорода. В дни храмовых праздников в конце июля — начале августа дорога буквально захлёбывалась от наплыва пассажиров. Пассажирских вагонов, набивавшихся до отказа, не хватало — к паровозу цепляли обычные платформы, на них ставили табуретки и такой экс-пресс с черепашей — не более 5 вёрст в час — скоростью полз до Ильинской слободы».

Сегодня по участку Ириновской дороги от станции Ржевка ходят электрички, участок от современной

Свердловской набережной до Среднеохтинского проспекта исчез, а с Панфиловой улицы, в связи с реконструкцией, трамвайные рельсы перенесены на Большую Пороховскую.

О существовании когда-то станции Охта напоминает сохранившийся дом № 31-а на Панфиловой улице, в котором находилось вагонное депо, а о самой дороге — Ириновский проспект, возникший в начале 1910-х гг. и протянувшийся сегодня от Бокситогорской улицы до улицы Коммуны в Пороховых.

«Утро Петербурга»,
13 апреля 2001 г.

Охтинский вокзал, 1910-е гг.

ИРИНОВСКО - ШЛИССЕЛЬБУРГСКАЯ УЗКО-КОЛЕЙНАЯ ЖЕЛ. ДОР.

	Число верст между станц.	Въѣзъ отъ ст. жел. дор. Мельничій Ручей до Ше- реметевки.	Число верст между станц.
С.-Петербург (Охта-Нева)	—	Мельничій Ручей	—
Охта	1	Щелово	3
Жерновка	2	Кирпичный заводъ	3
Пороховая	3	Черная рѣчка	6
Ржевка	2	Шереметевка	8
Полигонъ, платф.	1		
Ковалево	1		
Пригоино	2		
Иарино, платф.	1		
Христиновка	1		
Всеволожская	3		
Рябово	1		
Мельничій Ручей	1		
Романовка	2		
Корьево	1		
Проба	6		
Торфяная	3		
Ириновка	3		
Борисова Грива	4		
Всего	38	Всего	20

Памятная книжка Санкт-Петербургской губернии на 1914-1915 гг.

А.Б. Рыжков

САКРАЛИЗАЦИЯ МЕМОРИАЛЬНОЙ ТОПОНИМИИ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

Не секрет, что в общественном сознании россиян топонимия зачастую не воспринимается как часть культурного пространства; вместо этого культурная роль топонимов сводится к задачам наглядной агитации, прославления тех или иных личностей или событий. При этом игнорируется важнейшая функция топонимии как средства сохранения исторической памяти. Если при помощи русского языка мы сохраняем общую культурную преемственность поколений, то топонимия в качестве «языка территории» также позволяет нам ощущать связь с предками. Однако, ключевое положение культурно-исторического подхода к топонимии, сформулированное еще Д.С. Лихачёвым — «исторические названия — памятники культуры» — слишком часто не находит понимания ни у властей предрежущих, ни в обществе.

В то же время функция сознательного «увековечивания памяти» не была изначально присуща топонимии. Традиционно основная масса топонимов, как в масштабах страны, так и на локальных пространствах городов и поселений, формировалась стихийно. В том и ценность исторической топонимии, что она хранит память и об утраченных местных доминантах, и о приметах жизни давних времён, и о старинных языковых особенностях, дополняя «нетопонимические» исторические источники.

Конечно, во все времена находились владыки, которые были не прочь присвоить своё имя каким-нибудь географическим объектам, чаще всего городам. Но основной корпус «именных» топонимов, особенно в городском пространстве, возникал вовсе не с целью увековечивания чьих-то заслуг, а просто в качестве местных ориентиров, таких же, как названия храмов, других приметных сооружений, особенностей местности и т.д.

*Города, названные в честь
Александра Македонского*

Впоследствии формирование упорядоченного городского пространства — для российских городов это было связано с введением системы поуличной адресации во второй половине XIX века — привело к необходимости официального регулирования присвоения наименований городским улицам. Стихийно сложившиеся топонимы часто дублировали друг друга или же просто не успевали возникнуть сами собой при планомерном освоении новых городских пространств. Но и будучи поставлены перед необходимостью придумывания большого количества городских названий, власти дореволюционного Петербурга не обращались к идее массового топонимического увековечивания, предпочитая «нейтральный» географический принцип. Названия «в честь»

были весьма редки, зачастую они попросту не приживались и вытеснялись стихийными конкурентами, как это было с *площадью Петра Первого*, более известной в истории как *Сенатская*, или с *мостом Императора Александра II*, который «в жизни» так и остался *Литейным*.

Мост Императора Александра II (Литейный). Открытка 1910-х гг.

Площадь Петра Первого (Сенатская). Открытка 1900-х гг.

Больше шансов прижиться было у «мемориальных» названий в традиционной форме согласованного определения — *Екатерининский канал*, *Александровский парк*. До революции привычная ныне форма родительного падежа «улица (имени) такого-то» крайне редко использовалась и в официальных наименованиях, а в стихийных, «народных» — так и вовсе никогда.

Тем не менее, к 1917 г. сознательное увековечивание уже не было диковинкой в городской топонимии. И всё же практика топонимического признания заслуг, прославления событий и пропаганды идей приобрела действительно повальный характер именно после революции. Большевики сразу оценили большую наглядность городских названий и не смогли устоять перед искушением их использования в политической агитации. И вот внезапно названия наших городов и улиц превратились в «стенгазету», из которой граждане должны были узнавать, какие личности, события и организации считаются политически приемлемыми на данный момент. При этом уничтожение исторических названий, заменяемых на политические новоделы, было связано либо с полным непризнанием их культурной ценности, либо, напротив, с осознанным желанием стереть из памяти народа определённый культурно-исторический слой, например религиозный или монархический. Политизация топонимии была неразрывно связана с её нарастающей «мемориализацией». Во главу угла ставилось исключительно сознательное прославление тех или иных личностей, а исконная топонимическая функция «исторической памяти» на первых порах признавалась даже вредной, поскольку история в целом могла ассоциироваться со старым режимом. Это сказалось даже в смене главенствующей формы присваиваемых названий — несогласованные определения не только прочно закрепились в названиях улиц (*улица Ленина* вместо *Ленинская улица*), но проникли даже и в названия населённых пунктов (многочисленные *посёлки имени Дзержинского, имени*

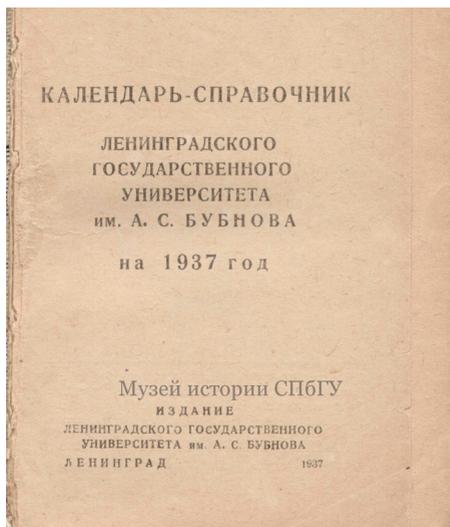
Володарского, имени Тельмана и т.д.). Подразумеваемое (но опускаемое на практике) слово «имени» в названиях улиц как бы добавляло названию торжественности, и такое отношение к форме наименования весьма популярно и в наше время.

Топонимическая пропаганда революционных ценностей стала и одним из орудий воцарения коммунистической квази-религии, насаждавшей взамен традиционной, объявленной враждебной новому строю. Были у неё свои «пророки» — Маркс, Энгельс и Ленин, был и собственный «пантеон», содержащий не только революционеров и «прогрессивных» философов, но и идеологически приемлемых деятелей науки и культуры. Имена последних пропагандировались в рамках насаждаемой антитезы «культура-религия» и «наука-религия», как бы противопоставляя «просвещение» религиозной «темноте». И в топонимии были часты переименования именно по типу противопоставления — например, *Архиерейская улица* на Петроградской стороне стала *улицей Льва Толстого* именно в целях педалирования конфликта великого писателя и мыслителя с официальной церковью. Уничтожение топонимов религиозного происхождения в начале 1920-х стало предвестником разрушения храмов и последовательного физического уничтожения людей духовного звания.

Революционный пантеон, однако, принципиально отличался от «традиционного» своей исключительной злободневностью. Не было и речи о выдерживании каких-то посмертных сроков «топонимической канонизации», более того, большевики не стеснялись увековечивать вполне живых людей. Эта

практика имела место с первых дней революции, задолго до сталинского культа личности. Вернее будет сказать, что культ различных личностей как раз и составлял неотъемлемую часть «новой сакрализации». При этом «провинившийся», как бы высоко доколе ни возносила его официальная пропаганда, подлежал немедленному изгнанию из топонимического пантеона. Переименованный в честь Троцкого город Гатчина сразу превратился в Красногвардейск, стоило последнему попасть в опалу. А многие ли помнят, что Ленинградский университет, избавившийся в конце 1980-х гг. от имени А.А. Жданова, в 1930-х несколько лет носил имя А.С. Бубнова? Зато официальные «мученики» новой «религии» — Шмидт, Володарский, Урицкий, Киров и другие — подлежали бесконечному топонимическому тиражированию во всех уголках нашей Родины.

Все эти особенности топонимической политики накрепко отпечатались в массовом сознании наших сограждан. Первым её следствием стала непреложная связь именного топонима с заслугами личности и её «масштабом». Наименование улицы «в честь» превратилось в одну из высших наград, в синоним сакрализации личности, а вот переименование — опять же вследствие последовательной политики по искоренению «топонимических врагов» — в акт развенчания, десакрализации, попраания личности. За чехардой переименований — а некоторые улицы в довоенный период меняли названия по нескольку раз! — окончательно забылась историческая ценность традиционной топонимии. Да и о какой «исторической ценности» можно было говорить, если и сама официальная история нашей страны должна была начинаться с 1917-го...

Титульный лист издания
ЛГУ им. А.С. Бубнова

Учитывая все эти обстоятельства, парадоксальным выглядит возвращение 20 ценнейших исторических названий незадолго до полного снятия блокады Ленинграда в 1944 г. Внезапно на карту вернулись имена, без которых мы не мыслим нашего города — *Невский проспект* (в первые десятилетия советской власти *проспект 25-го Октября*), *Садовая улица* (*улица 3-го Июля*), *Литейный проспект* (*проспект Володарского*), *Дворцовая площадь* (*площадь Урицкого*). Были среди возвращённых и названия религиозного происхождения: *Исаакиевская площадь* (*площадь Воровского*), *Владимирский проспект* (*проспект Нахимсона*), *Казанская площадь* (*площадь Плеханова*). При чтении архивных материалов, связанных с принятием этого решения, невозможно не удивляться — как будто на мгновение с глаз ленинградских руководителей (А.А. Жданова, А.А. Кузнецова,

П.С. Попкова) спала идеологическая пелена, и их рассуждения о ценности старинных названий сделали бы честь любому современному топонимисту. Разумеется, Ленинград не мог принять такого решения на свой страх и риск, и на возвращение исторических названий было получено высочайшее согласие Сталина. Но мало того — уже от имени самого Верховного главнокомандующего в приказах, посвящённых освобождению Красногвардейска и Слуцка, прозвучали подлинные исторические имена этих городов — Гатчина и Павловск, что и послужило толчком к их официальному возвращению в том же январе 1944 г.

Что же произошло с официальной топонимической политикой в разгар Великой Отечественной войны? Нет, коммунисты не превратились в одночасье в контрреволюционеров, монархистов и клерикалов. Но будучи прагматиками, руководители государства очень быстро осознали необходимость мобилизации народного патриотизма. А это оказалось невозможным без обращения к самым сокровенным корням русской идентичности, которые, конечно, лежали гораздо глубже 1917 г. Лучшей иллюстрацией служит немислимое в предвоенные годы христианское обращение Сталина к населению: «Братья и сёстры!» В этом же русле — и смягчение антирелигиозной политики с открытием некоторых храмов, и восстановление армейских погон, и «реабилитация» некоторых выдающихся русских полководцев прошлого. Поэтому и возвращение Ленинграду права на собственную топонимическую историю, которое наш город заслужил немислимыми страданиями, воспринималось

как должное, как своеобразный подарок ко дню снятия блокады. Причём никакие прежние шаблоны идеологии не сработали — ведь никто из «переименованных» в Ленинграде деятелей не был при этом ошельмован, остальные улицы и города, названные в их честь, никто не переименовывал, как было заведено ещё недавно. А ведь в январе 1944-го в Ленинграде даже проспект Ленина был переименован в Пискаревский!

Однако, необходимо отметить, что в масштабах всего государства данный пример остался почти уникальным. Только в освобождённых и очень пострадавших городах Украины — Киеве, Харькове, Одессе — в 1944 г. имела место подобная топонимическая реставрация. Напрасно было бы думать, что в советской топонимике перестал действовать принцип идеологической целесообразности, просто в конкретный момент потребности государственной идеологии были обращены на возрождение истинных исторических ценностей. Но после окончания Великой Отечественной войны топонимическая политика вернулась к старым шаблонам, опять на первое место вышло увековечивание, причём сакральную составляющую в восприятии мемориальной топонимии усилили повсеместные наименования в честь героев войны. Пример 1944-го забылся очень быстро, и ни о каких массовых возвращениях исторических названий не было речи до самого конца 1980-х. Но Ленинград «отличился» и здесь. В 1952 г. к очередному дню рождения Сталина ленинградский горком принимает решение избавиться от сотни «устаревших» названий городских улиц, сохранивших свои дореволюционные имена, данные в основном по фами-

лиям домовладельцев. Это решение было одним из мрачных последствий «ленинградского дела» и стоит в одном ряду с разгромом Музея обороны и блокады Ленинграда. Точно так же, как в 1944 г. город был награждён правом на историческую память, в 1952-м он был жестоко наказан уничтожением этой памяти в названиях улиц, многие из которых сохранялись с XVIII века и были лишены какой-либо идеологической составляющей. И это, и последующее развенчание культа личности с сопутствующим искоренением имени Сталина из топонимики, было соответственно воспринято в массовом сознании, в котором окончательно закрепились поощрительно-наказательная топонимическая модель с игнорированием понятия «собственной» исторической ценности топонима (так, при переименовании Сталинграда и не подумали вернуться к историческому названию города Царицын, предпочтя «новодельный» Волгоград).

Жилой дом на проспекте имени И. В. Сталина
Архитектор А. И. Князев

Проспект имени И.В. Сталина
(Московский). Фото 1953 г.

С огромным сожалением приходится признать, что данная модель восприятия топонимических ценностей не претерпела особых изме-

нений и после 1991 г. К счастью, некоторым городам, в числе которых и Санкт-Петербург, удалось вернуть ценные исторические названия, это же и относится и к улицам в ряде городов. Причём в массовом сознании эта процедура носила не характер возрождения исторических ценностей топонимии, а имела привычный с советских времен оттенок наказания «провинившихся» идеологов. С течением времени резкая критика советского строя в официальной политике современной России сменилась более спокойным отношением, в последнее время сочетающимся с примерами некоторой идеализации. То же можно наблюдать и в общественном сознании. А поскольку топонимика так и не отделилась в нём от политики, очень часто попытки вернуться к ценным историческим названиям, которые не удалось восстановить в 1990-е гг., воспринимаются не под культурным, а исключительно под политическим углом зрения.

Сакральное отношение к увековеченным личностям присуще представителям всех политических взглядов. Но у ярых «антисоветчиков» эта матрица отпечаталась в сознании с обратным знаком, и целью своей топонимической деятельности они видят не возвращение ценных старинных топонимов, а уничтожение неприемлемых с их точки зрения названий, «прославляющих палачей» (зачастую с заменой на представителей собственного «пантеона»). Таким образом, на словах не приемля советский период истории, они целиком и полностью реализуют советский же топонимический подход и отказывают в исторической и культурной ценности даже тем топонимам, которые возникли на чистом месте, но про-

славляют «не тех» личностей. Разумеется, убеждённые поклонники СССР так же яростно защищают своих топонимических героев. Сакральность их топонимического восприятия, между прочим, характеризуется и крайне отрицательной реакцией на возможность изменения многочисленных дублирующих названий, по разным причинам оказавшихся в границах одного административного образования. Так, в современном Санкт-Петербурге имеется 6 (шесть) *проспектов Ленина* (не считая собственно *Ленинского*, а также улиц и площадей), но любое предложение о возвращении какому-либо из них исторического названия воспринимается коммунистами как покушение на священную личность «вождя».

Увы, и равнодушные в целом к политике граждане в топонимических вопросах склонны руководствоваться скорее «политическими» соображениями. Десятилетия сознательного игнорирования культурно-исторической ценности топонимов города привели к тому, что название оценивается исключительно по принципу «плохой-хороший человек». Топонимистам не удастся объяснить обществу, что название *Малой Морской улицы*, возвращённое в 1993 г., применительно к этому объекту является гораздо более ценным, чем улица Гоголя, поскольку принадлежит к самым первым названиям улиц на «материковой» части Петербурга. Выслушав всю эту аргументацию, граждане пропускают её мимо ушей, требуя объяснить, чем же всё-таки провинился Гоголь! А напоминание о событиях 1944 г., явившихся безусловным доказательством наличия у названий собственной культурной ценности, отличной от «ценности»

увековеченной личности, вводит людей прямо-таки в ступор: они отказываются верить, что Невский проспект мог когда-то называться по-другому. Сакральное отношение к «увековечивающей» топонимии сказывается не только при попытках возвращения исторических названий. Не секрет, что после смерти очередного выдающегося (или не очень) деятеля науки, культуры, искусства и политики мгновенно звучат требования о присвоении названия в его честь. А в некоторых регионах Российской Федерации имена улицам присваиваются и при жизни, хотя в своё время, после всех перипетий культа личности, советское руководство приняло решение запретить прижизненное увековечивание. При этом робкие попытки топонимистов установить для присвоения названия хотя бы десятилетний период со дня смерти выдающегося человека воспринимаются как покушение на его светлую память, граничащее с оскорблением. Названия улицам нужно давать так, чтобы впоследствии не возникало желания их поменять, но такая постановка вопроса звучит странно для людей, привыкших к «топонимической стенгазете». Неоднозначно зачастую воспринимаются и заявления топонимистов о том, что увековечиваемая персона должна иметь связь с конкретной местностью. Нужно искать, вообще говоря, не улицу для имени, а имя для улицы!

Но мы помним, что «святыи личности» советского периода были обязательны к наличию на карте во всех уголках страны, где, собственно, они присутствуют и до сего времени, так что и эти аргументы не являются убедительными для людей, задавших целью топонимически прославить «своего» героя хотя бы где-нибудь, а лучше всего — везде.

И, тем не менее, надежда на возвращение топонимической практики из заколдованного круга политических предпочтений в плоскость культуры всё-таки существует. Во многом здесь можно провести параллели с архитектурой, да и с другими областями культурной деятельности, в различные времена проходившими испытания политикой. Но для этого необходима последовательная, взвешенная топонимическая практика, основанная прежде всего на культурно-историческом подходе. Десятилетиями насаждавшемуся политизированному отношению к топонимике можно противопоставить только планомерную практическую деятельность, подразумевающую и возвращение ценных исторических названий, и разъяснение истинной культурно-исторической ценности топонимии, чтобы стало, наконец, возможным применять к ней принципы культурной реставрации так, как это делается для памятников архитектуры.

А.В. Косоротикова

Петербургские встречи Марины Цветаевой

Введение

Причина выбора темы «Петербургские встречи Марины Цветаевой» — моё равнодушное отношение к её творчеству, интерес к этой многогранной личности, стремление детально изучить её визит в Петроград зимой 1915–1916 гг., открыть для себя новые страницы её биографии.

Будучи московским поэтом, Цветаева редко посещала Петербург¹, и именно тот приезд особенно запомнился ей, оставил яркие воспоминания о людях, встречах, об удивительной атмосфере литературного общества того времени. Впечатления от поездки были настолько сильны, что спустя двадцать лет запечатлелись в очерке «Нездешний вечер».

Глава 1. Литературный салон Каннегиссеров

КАННЕГИСЕРЬ А.А.ра Ипп. В. О. Тучковъ пер. 11. Т 12711.
— Голе. Св. уа.д. ж. вол. п. с. Салерный пер. 10. Т 5485.
— Роза Льв. вр. ж. нс. Салерный пер. 10. Т 6881.

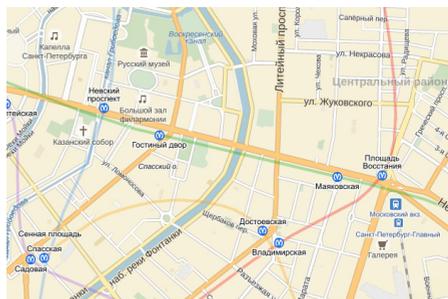
СЕВЕРНЫЕ ЗАПИСКИ. Ежен. лит.-пол. ж. Годы 4-я. (Загородный 21. Т 56949). Отв. ред. Расторопевъ Ил. Ил. Пис. Нагяна Соф. Исаак. Ц. за годъ 6 р.

ЧАЦКИНА Вера Матв. Шпалерная 44-б. Т 21922.
— Соф. Исаак. пот. поч. гр. Салерный пер. 21. Изд. ж. «Северная записка».

ТРУПЧИНСКАЯ Ан. Яв. ж. пот. дил. Салер. пер. 13. Т 17147.
ТРУПЧИНСКИЙ А.А.др Влад. пот. дил. прис. пов. и прис. страж. Салерн. пер. 13. Т 17147.

Из адресной книги «Весь Петроград на 1916 год»

В доме № 10 по Салёрному переулку, в квартире № 5² проживала семья коллежского советника И.С. Каннегиссера³. Иоаким Самуилович, его жена Роза Львовна, сыновья Сергей, Леонид и дочь Елизавета⁴ были широко известны в культурных кругах Петербурга. В их доме собирались представители литературной элиты, поэты и писатели.

Петербургские адреса, связанные с именем М.И. Цветаевой:

1. Литературный салон Каннегиссеров (Салёрный пер., 10)
2. Квартира Анны Трупчинской (Эфрон) (Салёрный пер., 13)
3. Дом издателей журнала «Северные записки» (Салёрный пер., 21)
4. Головная контора издательства «Северные записки» (Загородный пр., 21)

Цветаева приехала в Петербург в конце декабря 1915 г. по приглашению С.И. Чацкиной, издательницы журнала «Северные записки»⁵, вместе с подругой Софьей Парнок.

Точная дата вечера в доме Каннегиссеров неизвестна, однако в письме

¹ Цветаева в «Нездешнем вечере» называла город — Петербург, поэтому я буду употреблять это имя.

² Недошин В. М. Прогулки по Серебряному веку. СПб.; М., 2015. С. 198.

³ Весь Петроград на 1916 год: Адресная и справочная книга г. Петрограда / Под ред. А.П. Шашковского. СПб., 1916. С. 280.

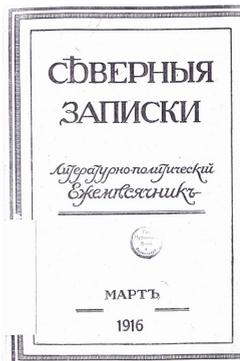
⁴ Шенталинский В. А. Преступление без наказания: Документальные повести. М., 2007; Цветаева М. Неизданное. Сводные тетради / Подг. текста, предисловие и примеч. Е.Б. Коркиной и И.Д. Шевеленко. М., 1997. С. 567.

⁵ Кудрова И. Жизнь Марины Цветаевой (до эмиграции). СПб., 2002. С. 137; Цветаева М. Неизданное. Записные книжки. Т. II: 1919-1939. М. 2001. С. 567.

к А. Тесковой от 19 марта 1936 г. Цветаева, вспоминая поэта М. Кузмина, пишет: «Я его встретила раз — в первых числах, а м<ожет> б<ыть> и 1-го января 1916 года — последнего года старой России»⁶. На такой вечер в январе 1916 г. и попала Цветаева. Братья Каннегиссеры были по-разному восприняты ею: «Лёня — поэт, Серёжа — путешественник, и дружу я с Серёжей. Лёня — поэтичен, Серёжа — нет...». Поэтичности Леонида Цветаева не поняла. Весь литературный Петербург видел в нём поэта, но позже узнал его как убийцу наркома внутренних дел, председателя Петроградской ЧК М. Урицкого. Позже Цветаева скажет о Леониде: «Лицо историческое и даже роковое»⁷. Петербург, увиденный Цветаевой, — это город поэзии: «О, как там любят стихи!.. Я за всю свою жизнь не сказала столько стихов, сколько там, за две недели»⁸.

Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме.
Марина Ивановна Цветаева
с дочерью Ариадной Сергеевной Эфрон.
1915. Переснимок.
Фотобумага черно-белая, фотопечать.
Фонд Фотодокументов ФБ-7673

Обложка журнала «Северные записки».
Март 1916

В тот вечер она особенно ощущала собственное отличие от петербургской литературной среды — свою «московскость»⁹. Здесь Цветаева прочла «весь свой стихотворный 1915 год», который поразил многих, был понят и принят в Петербурге. Стихи в то время становились источником жизненных сил: «Начало января 1916 года, начало последнего старого мира. Разгар войны. Тёмные силы. Сидели и читали стихи. Последние стихи на последних шкурах у последних каминов...»¹⁰.

Дом, где размещался литературный салон Каннегиссеров. Салёрный пер., 10

⁶ Цветаева М.И. Нездешний вечер // Век мой громкий: [Автобиографическая проза]. М., 2012. С. 292.

⁷ Письмо М. Цветаевой к П.П. Балакшину // Наследие Марины Цветаевой. Сайт о великом русском поэте XX века // http://www.tsvetayeva.com/letters/let_balakshinu 25.10.1936.

⁸ Цветаева М. Незданное. Сводные тетради. С. 32.

⁹ Цветаева М.И. Нездешний вечер. С. 330.

¹⁰ Там же. С. 342.

Глава 2. Дом издателей журнала «Северные записки»

Дом издателей журнала «Северные записки». Сапёрный пер., 21

Дом № 21 по Сапёрному переулку принадлежал издателям литературного и общественно-политического журнала «Северные записки» С.И. Чацкиной¹¹ и Я.Л. Сакеру¹². В этом доме Цветаева, предположительно, остановилась на время пребывания в Петербурге¹³. Об издателях у неё остались самые теплые воспоминания: «Софья Исааковна Чацкина и Яков Львович Сакер, так полюбившие мои стихи, полюбившие и принявшие меня как родную...»¹⁴. Одной из целей поездки Цветаевой в Петербург было именно знакомство с издателями¹⁵. На момент приезда Цветаева уже печаталась в двух номерах «Северных записок» за 1915 г.: два стихотворения в № 1 и три в сдвоенном № 5–6.

Журнал выходил с января 1913 г. по январь 1917 г. Издательница журнала С.И. Чацкина — лицо, известное в культурной сфере Петербурга, держательница литературного салона, выведившая в свет молодые дарования. После поездки в Петербург связь Цветаевой с «Северными записками» ещё более упрочилась. В 1916 г. её произведения регулярно появлялись на страницах журнала: три стихотворения в № 3 и три в сдвоенном № 7–8. В четырёх номерах печатается её перевод с французского романа графини Де-Ноайль «Новое упование».

История журнала завершается в январе 1917 г. триумфальной публикацией цикла цветаевских стихотворений о Москве, который произвёл огромное впечатление в Петербурге. По словам Г. Адамовича, «над цветаевским циклом петербургские поэты “ахнули” — над прелестью, над неожиданностью её Москвы»¹⁶. Цветаева в 1931 г. писала о своих публикациях в журнале: «До широкого круга не дошло, после чего журнал был новый — и скоро кончился. Всё скоро кончилось»¹⁷. Она же, заканчивая «Нездешний вечер»: «...послезавтра уже Софья Исааковна Чацкина бродила по Москве, как тень ища приюта, и коченела...»¹⁸. В ЦГАЛИ СПб находится записка Чацкиной, адресованная М. Кузмину. Она не имеет

¹¹ В некоторых публикациях «Нездешнего вечера», в частности в книге Марины Цветаевой «Век мой громкий» фамилия издательницы – Чайкина. В адресной книге «Весь Петроград на 1916 год», а также в личных письмах, в названиях архивных единиц хранения, номерах журнала «Северные записки» и во многих литературных источниках она фигурирует как Чацкина.

¹² Архитекторы-строители Петербурга 18 — начала 19 века: Справочник. СПб., 1996. С. 211.

¹³ Цветаева М.И. Нездешний вечер. С. 335.

¹⁴ Там же. С. 338.

¹⁵ Цветаева М. Неизданное. Сводные тетради. С. 567.

¹⁶ Марина Цветаева – Георгий Адамович: Хроника противостояния. М., 2000.

¹⁷ Цветаева М. Неизданное. Сводные тетради. С. 436.

¹⁸ Цветаева М.И. Нездешний вечер. С. 342.

даты, предположительно написана не позднее января 1917 г. на небольшом, оборванном листе бумаге, сложенном вчетверо. Написана в ответ на просьбу М. Кузьмина одолжить денег: *«...Как только дела мои устроятся, охотно поделюсь с Вами чем смогу, сейчас мне самой туго приходится; сердиться и в голову не приходит, я и сама часто бываю голодна и знаю, как это тяжело...»*¹⁹. Время издания журнала — переломное для страны. В настроениях общества — глубокая тревога, «горячая жажда перемен, поворота национальной и мировой культуры к чему-то новому и неизведанному»²⁰.

Глава 3. Софья Парнок

Софья Яковлевна Парнок. 1912

В Петербург Цветаева прибыла вместе с подругой Софьей Парнок. Яркая, не похожая на других, она поразила воображение Цветаевой, прежде всего ценившей в человеке индивидуальность, независимую личность. Парнок сотрудничала с «Северными записками» с первого года их существования, публиковала свои стихи, выступала в качестве литературного критика под псевдонимом Андрей Полянин. Именно ей посвящён цветаевский сборник «Подруга».

В феврале 1916 г., после поездки в Петербург отношения Цветаевой и Парнок обрываются²¹. В 1932 г. Цветаева пишет эссе «Письмо к Амазонке», посвящённое С. Парнок. Оно обращено к автору написанной в 1918 г. книги «Мысли Амазонки» — Н. Барни²². Мне удалось ознакомиться в отделе редких книг ЦГПБ им. В.В. Маяковского с так называемой «Красной тетрадь» — подготовленным в Пушкинском доме ИРЛИ РАН факсимильным изданием 2013 г. рабочей тетради Цветаевой с записями в период с 1931 по 1933 гг., когда она жила во Франции. В Россию тетрадь передал французский славист и историк литературы Жорж Нива, которому её вручил М.Л. Слоним²³. Помимо факсимильного воспроизведения тетради в издании приводится расшифровка её содержимого и перевод французских записей на русский язык. Эссе «Письмо к Амазонке» написано на французском языке, датировано ноябрём–декабрём 1932 г., дора-

¹⁹ ЦГАЛИ СПб. ф. 437. Оп. 1. Д. 145. Л. 1. Письмо Чацкиной С.И. Кузьмину М.А. По сообщению А.Г. Тимофеева, в описи фонда автором письма значится несуществующее лицо С. Чацкая.

²⁰ Иванникова В.В. Петербургский журнал «Северные записки». 1913–1917. Указатель содержания. Саратов, 2000.

²¹ Громов Н., Данильева Г. Указ. соч.

²² Натали Барни была известна в модернистских кругах Парижа как хозяйка изысканного и влиятельнейшего литературного салона. Кроме того, она была знаменита почитанием творчества древнегреческой поэтессы Сафо и приверженностью её идеалам.

²³ Марина Цветаева. Красная тетрадь / Сост., подг. текста, примеч. Е.И. Лубенниковой и А.И. Поповой; перевод А.И. Поповой и Ж. Нива. СПб., 2013.

бывалось в 1934 г. Известно три варианта этого текста, два из которых — в «Красной тетради». Вероятно, эссе было написано Цветаевой как долг памяти Парнок после известия о её смерти, полученного в 1933 г. С этим, возможно, связана часть текста из второго варианта «Письма к Амазонке» с подзаголовком «Приблизительная попытка чистовика»: *«Потом однажды та, некогда юная, узнает, что где-то, на другом конце той же Земли, старшая умерла. Сначала она захочет написать, чтобы узнать, но ей будет всё время некогда, вечная спешка, и письмо останется ненаписанным. Намерение останется намерением... / И потом некоторое время спустя, с безстрепетностью безразличия / Ведь она умерла во мне — для меня — / Не обязательно умирать, чтобы быть мёртвой»*²⁴. Рабочая тетрадь показывает кропотливую работу Цветаевой над текстами, в том числе и прозаическими. М. Слоним пишет о «Красной тетради»: *«Те, кто упрекал Цветаеву в поэтическом буйстве и словесном неистовстве, вероятно, не подозревали, как много она работала над своими стихами, как тщательно выбирала, по многу раз переделывала — и целые строфы, и отдельные выражения. Она не раз повторяла, что любит “вгрызаться в слово, вылучивать его ядро, доискиваться до корня”, и она придавала огромное значение ремеслу, недаром “ремеслом” назвала один из своих сборников»*²⁵.

Михаил Алексеевич Кузмин. 1911

Очерк Цветаевой «Нездешний вечер» написан в память о поэте М. Кузмине²⁶. Ещё до знакомства зимой 1916 г. их судьбы незримо пересекались. В 1912 г. поэт пишет предисловие к книге Ахматовой «Вечер», в котором, размышляя о «повышенной чувствительности» Ахматовой, остроте и хрупкости её поэзии, упоминает Цветаеву, ищущую поэзию *«в иронизирующем описании интимной, несколько демонстративно-обыденной жизни»*²⁷. Совсем

²⁴ Там же. С. 157.

²⁵ Там же. С. 92–93.

²⁶ Михаил Кузмин (1875–1936) – поэт и прозаик, композитор, литературный и музыкальный критик, происходивший из старинного дворянского рода. Был завсегдатаем литературного кафе «Бродячая собака» и литературно-артистического кабаре «Привал комедиантов», нередко сам выступал на эстраде. Будучи сотрудником журнала «Северные записки», публиковал в нём свои стихи, прозу, литературные статьи.

²⁷ Цит. по: Саакянц А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. С. 42.

по-иному он выразит своё отношение к её творчеству в 1916 г., во время встречи в Петербурге в доме Каннегисеров: «Мы все читали ваши стихи в “Северных записках”... Это была такая радость. Когда видишь новое имя, думаешь: ещё стихи, вообще стихи, устное изложение чувств. И большею частью — чужих. Или слова — чужие. А тут сразу, с первой строчки — своё, сила»²⁸. В тот вечер Кузмин произвел на Цветаеву сильное впечатление²⁹. Особенно её поразили необыкновенные глаза поэта: «Глаза были — здесь. Передо мной стоял — Кузмин. Глаза — и больше ничего. Глаза — и все остальное»³⁰. В 1921 г. Цветаева пишет ему письмо, образно описывая две её встречи с ним: личную в 1916 г. и духовную в 1921 г., под влиянием которой и написано письмо³¹. Это была встреча с книгой Кузмина «Нездешние вечера». В ней она почувствовала незримую переключку с её душой (цикл «Георгий», над которым она работала в это время³², и кантата Кузмина «Святой Георгий»). Вместе с письмом Цветаева отсылает Кузмину стихотворение «Два зарева! — нет, зеркала!», посвящённое ему. Это письмо послужило основой «Нездешнего вечера», написанного после смерти Кузмина в 1936 г. «Нездешний вечер» впервые был опубликован в Париже в журнале «Современные записки» в № 61 за 1936 г.³³ Публикация вызвала положительный отклик редактора журнала «Земля Колумба», выходившего в Сан-Франциско: «Прекрасна вещь М. Цветаевой —

“Нездешний вечер”, где так увлекательно, задушевно (грусть по тому вечеру, жалость) рассказывается о её встрече с Кузминым, Есениным и др. в Петербурге, “в последний год эпохи” — 16 г. Хотелось бы чаще видеть её вещи в печати».

Глава 5. Осип Мандельштам

Осип Эмильевич Мандельштам.
Выборг. 1912

В этот же вечер в доме Каннегисеров произошла встреча Цветаевой с О. Мандельштамом. Впервые они встретились летом 1915 г. в Коктебеле³⁴, но настоящее их знакомство произошло именно в Петербурге.

²⁸ Цветаева М.И. Нездешний вечер. С. 328.

²⁹ Там же. С. 330.

³⁰ Там же. С. 327.

³¹ Цветаева М. Неизданное. Сводные тетради. С. 35.

³² Там же. С. 567.

³³ Цветаева М.И. Спасибо за долгую память любви.: Письма Марины Цветаевой к Анне Тесковой. 1922–1939. М., 2009.

³⁴ Цветаева М.И. История одного посвящения // Век мой громкий. С. 317.

Мандельштам подарил Цветаевой свою книгу стихов, второе издание сборника «Камень». Сохранился её шмуцтитул (сама книга не уцелела) с надписью: *«Марине Цветаевой — камень-памятка. Осип Мандельштам. Петербург, 10 янв<аря>. 1916»*³⁵. Книга вышла только что — в декабре 1915 г.³⁶, но на обложке значится «Гиперборей, Петроград, 1916».

20 января Цветаева вернулась в Москву³⁷. Мандельштам, как она вспоминала, *«...не договорил со мной в Петербурге, приехал договаривать — в Москву»*³⁸. Поэт метался между двумя городами и даже подумывал о том, чтобы остаться в Москве³⁹. Во время совместных прогулок она от всего сердца дарила Мандельштаму Москву — *«издавалась»*⁴⁰. Цветаева пишет о нём в письме к сестре мужа Е. Эфрон 19 мая 1916 г.: *«Я убеждена, что он ещё не сложившийся душою человек, и надеюсь, что когда-нибудь — через счастливую ли, несчастную ли любовь — научится любить не во имя своё, а во имя того, кого любит. Ко мне у него, конечно, не любовь, это — попытка любить, может быть, и жажда»*⁴¹. В июле 1916 г. Мандельштам приехал в Александров, где Цветаева гостила у сестры, разрыв произошёл внезапно⁴². Дальнейших личных отношений

поэты не поддерживали. Однако своё отношение к поэзии Мандельштама Цветаева не изменила. В статье «Поэты с историей и поэты без истории» (1933 г.) она причисляет его к поэтам, которые *«начав с максимума, на этом максимуме держатся до последней строки»*. Она выделяет его в особый поэтический ряд: *«Из моих современников назову троих — по совершенству их лирической особенности: Анну Ахматову, Осипа Мандельштама и Бориса Пастернака, поэтов, родившихся сразу с собственным словарём и максимальной оригинальностью»*⁴³. Увлечения поэтов друг другом запечатлелись в их творчестве прекрасными стихами. Цветаевой посвящено три стихотворения Мандельштама, которые она упоминала в письме к Пастернаку (1925 г.) как *«несколько холодных великолепий о Москве»*: «В разноголосице девического хора», «На розвальнях уложенных соломой», «Не веря воскресенья чуду»⁴⁴. В свою очередь Цветаева посвятила Мандельштаму 11 стихотворений⁴⁵. Жена поэта — Н. Мандельштам писала: *«Дружба с Цветаевой, по-моему, сыграла огромную роль в жизни и в работе Мандельштама <...>. Это и был мост, по которому он перешёл из одного периода в другой... Цветаева, подарив*

³⁵ Мандельштам О. Камень / Подг. Л.Я. Гинзбург, А.Г. Мец, С.В. Василенко, Ю.Л. Фрейдин. Л., 1990. С. 280; Саакянц А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. С. 82.

³⁶ Мандельштам О. Камень. С. 368.

³⁷ Саакянц А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. С. 82.

³⁸ Цветаева М. Неизданное. Сводные тетради. С. 34–35.

³⁹ Саакянц А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. С. 83.

⁴⁰ Цветаева М. Неизданное. Записные книжки. С. 272–273.

⁴¹ Цветаева М. Неизданное. Семья: История в письмах / Сост., подг. текста, коммент. Е.Б. Коржиной. М., 2012. С. 214.

⁴² Цветаева М.И. История одного посвящения. С. 314.

⁴³ Цветаева М.И. Поэты с историей и поэты без истории // Хрестоматия критических материалов: Русская литература рубежа XIX–XX веков. М., 1999.

⁴⁴ Цветаева М. Неизданное. Сводные тетради. С. 195, 349.

⁴⁵ Кудрова И. Указ. соч. С. 139.

ему свою дружбу и Москву, как-то расколдовала Мандельштама. Это был чудесный дар, потому что с одним Петербургом, без Москвы, нет вольного дыхания, нет настоящего чувства России...»⁴⁶.

Глава 6. Анна Ахматова

Анна Андреевна Ахматова.
1917

Марина Цветаева мечтала о встрече с Анной Ахматовой. С её творчеством Цветаева познакомилась в 1912 г., прочитав только что вышедшую книгу Ахматовой «Вечер»⁴⁷.

На литературном вечере в январе 1916 г. Цветаева постоянно ощущала незримое присутствие Ахматовой: «*Всем своим существом чую напряжённое — неизбежное — при каждой моей строке — сравнение нас (а в ком и — стравливание): не только Ахматовой и меня, а петербургской поэзии и московской, Петербурга и Москвы*». Несмотря на это, Цветаева не противопоставля-

ет себя Ахматовой, а обращается к ней: «...читаю не против Ахматовой, а — к Ахматовой. Читаю,— как если бы в комнате была Ахматова, одна Ахматова». Цветаевой хотелось «подарить Ахматовой эту Москву в себе, в своей любви, преклонить перед Ахматовой, поклониться ей самой»⁴⁸. Что она и сделала в июне 1916 г., написав цикл стихотворений, посвящённый Ахматовой. Творческая переключка поэтов продолжалась всю их жизнь. Их отношения нельзя однозначно назвать дружескими, но какая-то незримая нить связывала их. Цветаева не только сама пишет Ахматовой, но и её маленькая дочка Аля посылает свои стихи и трогательно делится своими впечатлениями о стихах Ахматовой. А. Эфрон вспоминает, что Цветаева «*была человеком <...>, отзывчивым на любой окликающий её голос — не тянувшимся, а равным к людям; отсюда — обилие явных и сокровенных посвящений лирических её стихов*». В письмах к «*близким и далёким друзьям — истинным или мнимым*» она вкладывала «*страстную, жизнеутверждающую, действенную силу, что и в личные отношения с людьми...*»⁴⁹.

Единственная личная встреча между Ахматовой и Цветаевой состоялась 7–8 июня 1941 г. в Москве. Тогда Цветаева подарила Ахматовой старинные чётки⁵⁰. В Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме мне удалось увидеть деревянную бусинку из этих чётков. Ахматова подарила бусинку А.П. Сухомлиновой⁵¹

⁴⁶ Мандельштам Н. Старые друзья // Вторая книга. М., 1990.

⁴⁷ Цветаева М. Неизданное. Семья: История в письмах. С. 144–145.

⁴⁸ Цветаева М.И. Нездешний вечер. С. 333–334.

⁴⁹ Эфрон А. О Марине Цветаевой: Воспоминания дочери. М., 1989.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Сухомлинова А.П. — знакомая А. Ахматовой, с которой она близко сошлась в Ташкенте в период эвакуации с ноября 1941 по май 1943 гг. и впоследствии поддерживала отношения.

в Ташкенте, перед отъездом последней в Москву⁵². В 2012 г. Сухомлинова отдала бусинку музею.

Бусинка из чёток. Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. Принадлежала М.И.Цветаевой и А.А.Ахматовой

Незадолго до встречи Ахматовой было написано стихотворение «Невидимка, двойник, пересмешник...» (16 марта 1940 г.), посвящённое Цветаевой. Ахматова не решилась прочесть его во время встречи; в 1956 г. она скажет Л.К. Чуковской: «А теперь жалею. Она столько стихов посвятила мне. Это был бы ответ, хоть и через десятилетия. Но я не решилась из-за страшной строки о любимых»⁵³. У Цветаевой уже были арестованы дочь (27 августа 1939 г.) и муж (10 октября 1939 г.).

В. Солоухин в эссе «Чаша» сравнил двух великих поэтов с полноводными реками, наполнившими русскую классическую поэзию величайшим богатством слова: «...их можно сравнить — одну с равнинной (более спокойной), а другую с бурной, всклокоченной, полусумасшедшей рекой. Юность обычно отдаёт предпочтение Цветаевой, но с годами, со зрелостью взоры (души, умы и сердца) начинают тяго-

теть к ровному, но оттого не менее могучему течению равнинных рек. Но прекрасно сознавать, что мы вовсе не стоим перед выбором, что у нас есть и то, и это»⁵⁴.

Глава 7. Анна Трупчинская (Эфрон)

Ещё один адрес, связанный с Мариной Цветаевой,— Сапёрный переулок, 13. В 1916 г. здесь жила Анна Яковлевна Трупчинская (урождённая Эфрон), старшая сестра С. Эфрона, мужа Цветаевой⁵⁵. Вероятно, во время приезда в Петербург зимой 1916 г. Цветаева навещала Трупчинскую, поскольку литературный салон Каннегиссеров и дом Чацкиной и Сакера находились по соседству на Сапёрном.

Цветаева называет свой приезд в Петербург в 1916 г. первым, однако таким он был для неё лишь по значимости. Она бывала здесь прежде: именно в этом доме М. Цветаева и С. Эфрон гостили у Трупчинских в январе 1912 г. Вначале Трупчинская противилась их планам обвенчаться и жить в Москве, не одобряя раннюю женитьбу брата, ещё не окончившего гимназический курс⁵⁶. Сергей пишет из Петербурга 7 сентября 1911 г. сестре Елизавете: «Марина, вероятно, рассказала тебе о наших планах. Нютя <Анна Яковлевна> стремится как нарочно к обратному. Настаивает и закликает меня жить в Петербурге»⁵⁷. В письме Цветаевой к Волошину от декабря 1911 г., написанном на обороте общей фотографической карточки М. Цветаевой и С. Эфрон, она пишет

⁵² Сухомлинова А.П. Анна Андреевна Ахматова // Дорогие сердцу имена. СПб., 2011.

⁵³ Саакянц А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. С. 743.

⁵⁴ Солоухин В. Чаша (эссе) / Роман-газета. 1989. № 6. С. 19.

⁵⁵ Весь Петроград на 1916 год. С. 664.

⁵⁶ Цветаева М. Неизданное. Семья: История в письмах. С. 461.

⁵⁷ Там же. С. 111.

⁵⁸ Там же. С. 120, 461.

об А. Трупчинской: *«Его старшая сестра враждебно ко мне относится»*⁵⁸. В дальнейшем Цветаева и Трупчинская поддерживали дружеские отношения. Точных данных о том, навещала ли Цветаева Анну Яковлевну зимой 1916 г., нет, это можно только предполагать. Дом был радушный, о чём говорит и то, что Анастасия, сестра Цветаевой, останавливалась на Сапёрном, 13⁵⁹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Значение поездки Марины Цветаевой в Петербург, несомненно, велико: — знакомство и увлечение О. Мандельштамом, — соприкосновение

с атмосферой поэтического Петербурга, где царили Ахматова и Блок, вылились впоследствии в прекрасные циклы стихов, им посвящённые; — несостоявшаяся встреча с Ахматовой, окружающая её загадка послужили не только толчком к созданию цикла стихов, но и основанием для переписки, которой Цветаева придавала очень большое значение; — определённое противостояние Москвы и Петербурга, произошедшее на литературном вечере у Каннегисеров, послужило рождению цикла стихов о Москве, который был напечатан в январе 1917 г. в «Северных записках» и с триумфом принят в Петербурге.

⁵⁹ Цветаева А.И. Воспоминания // Анастасия Цветаева. М.: АСТ, 2015. С. 607.

Алексеев Алексей Юрьевич

Выпускник факультета социальных наук Российского государственного педагогического университета (РГПУ) им. А.И. Герцена. Кандидат исторических наук. Ведущий библиотекарь Фундаментальной библиотеки императрицы Марии Фёдоровны при РГПУ им. А.И. Герцена. Постоянный автор газеты «Муниципальный вестник “Княжево”», публиковался в газете «Санкт-Петербургские ведомости», неоднократно участник районной краеведческой конференции «Встречи на Петергофской дороге». Член Топонимической комиссии Санкт-Петербурга с 2017 г.

Ерофеев Алексей Дмитриевич

Журналист, краевед, собственный корреспондент «Парламентской газеты» по Петербургу и Ленинградской области. Автор многочисленных публикаций по истории города и проблемам культуры и транспорта, в том числе в газетах «Санкт-Петербургские ведомости», «Смена», «Экономика и время». В составе авторского коллектива «Топонимической Энциклопедии Санкт-Петербурга» удостоен Анциферовской премии в 2003 г. Член Топонимической комиссии Санкт-Петербурга с 1991 г.

Косоротикова Александра Романовна

Студентка первого курса филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета по направлению «Отечественная филология».

Мартынов Геннадий Георгиевич

Закончил Ленинградский государственный институт культуры им. Н.К. Крупской (ныне Санкт-Петербургский государственный институт культуры). Библиограф, историк литературы, журналист. Лауреат I и VI киришских открытых городских краеведческих конкурсов «Наследники Бестужевских традиций» 2012 и 2017 гг. Дипломант литературного конкурса «Неизвестный Петербург» 2013 г. Один из авторов «Большой Топонимической энциклопедии Санкт-Петербурга» (2013). Член Топонимической комиссии Санкт-Петербурга с 2017 г.

Рыжков Андрей Борисович

Окончил Санкт-Петербургскую государственную академию авиакосмического приборостроения (ранее Ленинградский институт авиакосмического приборостроения). Краевед, принимает активное участие в совершенствовании Реестра названий объектов городской среды Санкт-Петербурга, автор ряда публикаций в СМИ на топонимические темы. Один из авторов «Большой Топонимической энциклопедии Санкт-Петербурга» (2013).

Сизёнов Евгений Петрович

В 1994 г. окончил Санкт-Петербургский университет экономики и финансов. Работает экономистом. Автор нескольких книг по истории города Колпино, в том числе «История Колпина» (2007, в соавторстве), «Колпинцы. Историко-биографический справочник» (2009, в соавторстве), «Топонимика исторического центра Колпина» (2009, в соавторстве), «Колпинские мосты» (2016), а также публикаций в газетах и журналах. Автор (совместно с Р.С. Иволгой) раздела «Колпинский район» в «Большой Топонимической энциклопедии Санкт-Петербурга» (2013).

Содержание

Пригороды и окрестности

- Е.П. Сизёнов. Топонимическое путешествие по реке Назии..... 3
Г.Г. Мартынов. Заметки о топонимии Поволховья в пределах Ленинградской области..... 15

Исторические исследования

- А.Ю. Алексеев. О предыстории наименования проездов в Дачном в 1962 году..... 32

Прогулки по Петербургу

- А.Д. Ерофеев. Рассказы о петербургских улицах..... 40

Мнения. Суждения. Идеи

- А.Б. Рыжков. Сакрализация мемориальной топонимии в общественном сознании..... 44

Краеведческая школа

- А.В. Косоротикова. Петербургские встречи Марины Цветаевой..... 51

- Сведения об авторах 61

*Издание подготовлено СПбГБУК и ДО «Институт культурных программ»
при поддержке Комитета по культуре Санкт-Петербурга*

Санкт-Петербург, ул. Рубинштейна, 8

Тел./факс: +7 (812) 570-40-45

Email: toponim@spbicp.ru

Сайт: www.spbicp.ru

Состав редколлегии: А. С. Зонин, И. Н. Кизилова, Е. П. Хацкевич

Главный редактор: П. А. Скрелин

Ответственные редакторы: А. Г. Владимирович, Г. Г. Мартынов

@ Дизайн: верстка: Т. Д. Глухов

Оригинал-макет и печать: «Копи Шоп Оранж»

© Институт культурных программ

*Полное или частичное воспроизведение издания запрещено без письменного
разрешения СПбГБУК и ДО «Институт культурных программ»*

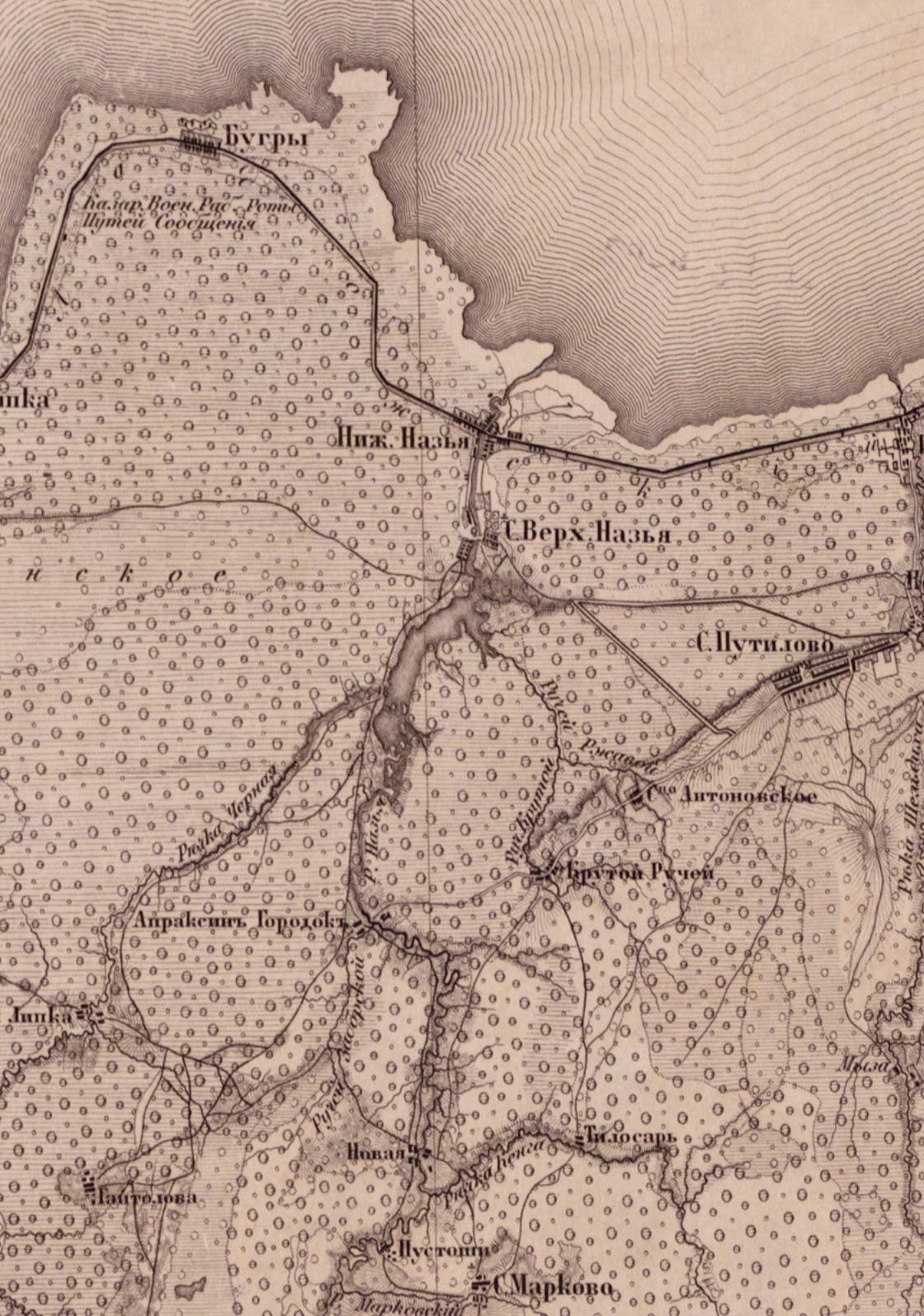
Топонимическая комиссия Санкт-Петербурга
и редакция «Топонимического альманаха»

поздравляет с 80-летием

Аркадия Файвишевича Векслера

Краеведа, историка, писателя, педагога, журналиста, редактора, издателя, дипломанта Анциферовской премии, одного из основателей Топонимической комиссии Санкт-Петербурга, создателя первого тематического издания «Топонимический журнал», инициатора разработки Реестра названий объектов городской среды.

Желаем Аркадию Файвишевичу творческих свершений и новых замечательных книг об истории нашего города!

Бугры

на кар. Воин. Рас. Роты
Путей Сообщения

Ниж. Назья

С. Назья

С. Путилово

С. Антоновское

Брутой Ручей

Апракшинъ Городокъ

Талосарь

Новая

Пустоши

С. Марково

Речка Черная

Р. Мисарь

Речка Мисарь

Речка Мисарьская

Речка Кенга

Речка Мисарь

Мисарь

и с к о е

шка

шка

Путилова

Марковский